

ЛитРес:

АЛАЙНА САЛАХ

ТВОИ

С юмором о важном

Алайна Салах

Твои

«Автор»

2022

Салах А.

Твои / А. Салах — «Автор», 2022 — (С юмором о важном)

ISBN 978-5-535-11064-6

С отцом моей дочери мы находимся в прекрасных отношениях. Живет он за тысячи километров, алименты присылает вовремя, никогда не забывает о днях рождения, в мою личную жизнь и воспитание Полины не лезет. Так было до этого дня. – Снежок, привет. У тебя вечером какие планы? – От звука знакомого голоса каблучки вонзаются в асфальт. Почему Роберт это спрашивает? Он приехал в наш город? – Как насчет ужина в семь вечера? Втроем. Ты, я и дочка. – А чем тебя прошлый график не устраивает? – сиплю я. – Раз в полгода? Мы ведь договаривались, что ты не станешь препятствовать нашим встречам. – В его тоне отчетливо слышится металл. – Я приехал по работе и хочу проводить больше времени с дочерью.

ISBN 978-5-535-11064-6

© Салах А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	13
5	15
6	17
7	19
8	21
9	23
10	25
11	27
12	29
13	32
14	34
15	36
16	38
17	40
18	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алайна Салах

Твои

© Салах А., 2022

© ООО «ЛитРес», 2022

1

Рада

– И в кого у тебя они такие густые, а, крольчонок? – любовно и не без зависти я поглаживаю русые локоны Поли, сплетая их в увесистую косу. – Уж точно не в меня. Через пару лет сможешь запросто стать звездой в рекламе шампуня. Я тогда сразу уволюсь с работы и буду целыми днями торчать в спа и массажных салонах. Правда, потом меня, скорее всего, посадят за эксплуатацию детского труда, а тебя заберут в приют.

– Лучше обойдемся без рекламы, – с поистине самурайским спокойствием отзывается дочка, привыкшая к моему странному юмору. – Не переживай, у тебя тоже красивые волосы. Мама Фредерики свои каждую неделю в салоне красит, чтобы стали такими же белыми.

– А вы Фредерику всегда полным именем называете или есть сокращенное?

– Я иногда зову ее Федя.

Меня даже передергивает немного. Бедная девочка.

– Видишь, как здорово, что твоя не блещущая фантазией мама назвала тебя простым русским именем Полина. Потому что никто не назовет мою дочь Федей.

– Спасибо большое, мамочка, – обернувшись, Поля оскаливает мелкие белые зубы в озорной улыбке. И даже реверанс отвешивает, актриса.

Не в рекламу ей нужно, а в театр или в кино. Она бы точно зрителя покорила своей развитостью и непосредственностью. Несмотря на нашу двадцатилетнюю разницу в возрасте, Полина уже куда старше и мудрее меня.

– Шоколадку я тебе в рюкзак положила. И пожалуйста, ешь то, что дают в садике. А то соседи посмотрят, какая ты худенькая, и пожалуются в органы опеки.

– И меня снова заберут в приют, – скорбно заключает дочь.

– Видишь, даже и подсказывать не пришлось.

Завязав кончик косы ярко-розовой резинкой, я разворачиваю дочь к себе и жадно прижимаюсь к ее щеке губами. Жадно, потому что люблю ее так сильно, что всякий раз борюсь с потребностью обнять и никуда не отпускать.

Колизей, Тадж-Махал, Пирамиды Гизы – ничто в сравнении с девочкой, с криками выбравшейся из меня пять с половиной лет назад. Поля и есть мое восьмое и самое главное чудо света.

– Заберу тебя в пять, – обещаю я, поглаживая ее худенькие плечи. – А вечером у нас с тобой, кстати, планы. Будем печь штрудель.

– Только, чур, яблоки ты сама чистишь, – безапелляционно заявляет Полина, глядя на меня своими шоколадными глазищами. У нее и ресницы под стать волосам – длинные, густые, загнутые, будто наращенные. Это богатство ей, к сожалению, тоже досталось не от меня, а от отца.

– А ты чем тогда будешь заниматься?

– Я займусь тестом.

Моя дочь точно гений. Тесто-то мы берем покупное.

Еще минут пять провозившись за завязыванием шнурков, недавно освоенным Полиной, мы наконец загружаемся в мой крошечный Фольксваген и катим в детский сад. Ох, сколько слез было пролито с того дня, как Полина впервые вошла в его двери. Правда, не ее, а моих. Начитавшись жутких историй на мамских форумах, я дико переживала, что чей-то невоспитанный отпрыск начнет ее обижать, и тогда мне неизбежно придется его отлупить. А чужих детей, говорят, лупить нельзя.

Но Полина и тут избавила меня от забот. В садик она ходила с удовольствием, и к моему стыду и тайной гордости, в первую же неделю сама накостыляла какому-то сопляку, посмевавшему назвать ее тощей.

– Ну все, беги, – бережно погладив русый пушок на лбу дочери, я подталкиваю ее к дверям садика. – Если минут на пятнадцать задержусь, ты же не будешь бить тревогу?

Поля презрительно морщит нос. Мол, что, в первый раз? За кого ты меня принимаешь?

Убедившись, что голубой рюкзак очутился внутри здания, я бешено бью по газам. Потому что жутко опаздываю. Наверное, спешка – это обычное состояние любой матери, чей ребенок не успел сменить молочные зубы на коренные. В особенности, если эта мать воспитывает чадо одна.

– Да, Ирина Петровна, – зажав телефон плечом, я маневрирую между неспешно плетущимися машинами. И ведь едут и не торопятся. Неужели ни детей, ни работы нет? – Я скоро буду. Пробки небольшие... Да, да, я вчера им звонила. Сказали, что перед праздниками долг по последним накладным оплатят... Да, пять минут, и я к вам зайду.

Вот уже два года я тружусь менеджером в фирме, продающей образовательные услуги: тренинги, дополнительное обучение, курсы, семинары. Заниматься этим мне нравится, особенно с учетом того, что моя первая должность включала в себя униформу, идентичную костюму на Хэллоуин: клетчатая юбка, передник и блузка с буфами. Будучи студенткой, я подрабатывала официанткой в пивном пабе.

Машину ставлю сразу на два парковочных места. Таковую наглость у нас в офисе позволяют себе только два человека: я и генеральный директор. Генеральный – потому что ему можно все, я – потому что паршиво паркуюсь и вечно опаздываю.

Щелкнув кнопкой сигнализации, не глядя прикладываю к уху вновь зажужжавший телефон. Утром понедельника его можно сюда приклеивать.

– Здравствуйте, слушаю, – чеканю воодушевленно, чтобы продемонстрировать собеседнику свой деловой настрой.

– Снежок, привет, – раздается голос, от звука которого каблучки вонзаются в асфальт, игла – в ягодичную мышцу.

Просто я совсем не ждала его звонка.

– Привет, – бормочу я, уставившись в глянцевые носы своих туфель. Хорошие. Я их по большой скидке купила, а им второй год сноса нет.

– Отвлекаю?

– Нет, – отвечаю я уже тверже и, отмерев, семеню к крутящимся офисным дверям. – По какому поводу так рано? Случилось что-то?

На самом деле, с Робертом, отцом Полины, мы находимся в прекрасных отношениях. Живет он за тысячи километров отсюда, алименты присылает вовремя, никогда не забывает о днях рождения, в мою личную жизнь и воспитание дочери не лезет. И даже называет меня ласково Снежок, как повелось с первых дней нашего знакомства – это из-за моих аномально светлых волос. Поэтому я не понимаю, почему моя первая реакция – ему нахамить.

– Можно и так сказать. У тебя вечером какие планы?

– Неужели ты меня на свидание по скайпу собрался пригласить? – шутливо парирую я, кивком приветствуя охранника на входе. – Твоя вторая половина против не будет?

– Кстати, отличная идея про свидание, – в тон отвечает Роберт, проигнорировав мой последний вопрос. – Как насчет семейного кафе на площади в семь вечера? Втроем. Ты, я и дочка.

Я снова вырастаю в пол и снова пялюсь на туфли. Если я правильно поняла, Роберт действительно предлагает увидеться. То есть он сейчас в нашем городе?

– На Озоне новое поступление ковров-самолетов?

– Распродажа в S7, – усмехается он и резко становится серьезным: – Я прилетел по работе, Рада. Пока не знаю, на сколько. Хочу воспользоваться моментом и провести побольше времени с Полинкой.

По позвоночнику пробегает озноб. Так действует любой намек на то, что кто-то хочет разлучить меня с дочерью.

– А чем тебя прошлый график не устраивает? – сиплю я. – Раз в полгода?

– Мы ведь договаривались, что ты не станешь препятствовать нашим встречам, – за обманчивой непринужденностью тона Роберта отчетливо слышится металл. – Я, кстати, очень рад тебя слышать. Видел, ты прическу поменяла. Тебе идет.

– Приятно, что у такого занятого мужчины, как ты, есть время полазить по инстаграму, – ерничаю я. – Если понравилось, лайк почему не поставил?

Роберт от души смеется. Я же закатываю глаза, потому что отчетливо представляю, как он это делает. Скалит свой зубы, которые на фоне его смуглой кожи кажутся иссиня белыми. Тимати бы заплакал от зависти.

– Так что скажешь, Снежок? В семь вечера вам подходит?

Слово «вам» заставляет меня смягчиться. То есть Роберт понимает, что есть он, а есть мы с Полиной. Она моя, и никаким ужином с анимациями и вагонам игрушек, которые он обычно с собой привозит, не под силу это изменить.

– Хорошо. Давай мы подъедем в семь в «Гуси-Лебеди».

– Чего это ты выдумала? Я сам вас заберу. Не обсуждается.

Я скриплю зубами. Роберту просто необходимо доминировать. Но ради одного ужина спорить не буду. Тем более что Поинка его приезду обрадуется.

– Ладно, заезжай. Адрес не забыл?

– Какая ты сегодня кусачая. Знаешь же, что я все о вас помню.

Сбросив вызов, я запикиваю телефон в сумку. Пальцы прохладные и слегка подрагивают. Надо успокоиться. Ужин только в семь, а работать мне нужно прямо сейчас.

Дзынь-дзынь-дзынь.

Вздыхнув, я снова лезу за мобильным. А вот, кстати, и отличное напоминание о работе.

– Да, Ирина Петровна, – тараторю я, срываясь с места. – Уже поднимаюсь.

Захожу в лифт, выбираю кнопку нужного этажа. Мельком смотрю в еще не потухший экран и не удерживаюсь от улыбки – robert_88 понравилось мое фото.

2

– Роберт? – глаза дочери вспыхивают, словно огоньки на новогодней гирлянде. – Он к нам приехал?

– Он приехал сюда по работе, – бережно поправляю я, чтобы не давать детскому сердечку чересчур очароваться причинами столь внезапного появления нашего гостевого папы. – Но очень хочет с тобой увидеться. Заедет за нами через час. Ты ведь не против, если мы перенесем на завтра приготовление штруделя?

Дочка без сожаления мотает головой. Не-а. Роберт и его подарки куда лучше пирога, набитого яблоками.

А я вот внезапно расстраиваюсь. Будто Поля не от штруделя отмахнулась, а от нашего совместного времяпрепровождения. Говорю же, все, что касается дочери, делает меня слегка ненормальной.

– Я тогда новое платье надену, – оживленно рассуждает она, ерзая в своем детском кресле. – Жалко, что ты мне ногти покрасить не разрешила... Так бы красиво смотрелось.

– Уверена, ты понравишься своему папе и без покрашенных ногтей, – замечаю я, мысленно насылая проклятие на владельца огромного черного катафалка, мигающего мне фарами с требованием пропустить. Разрешенная скорость в городе – семьдесят девять километров в час. Я еду семьдесят восемь. Просто расслабь тапку, дядя.

– Роберт редко приезжает, так что я должна произвести впечатление.

Полина упрямо не называет Роберта папой, даже несмотря на то, что души в нем не чают. Вот оно – еще одно доказательство, что ее ум и чувство собственного достоинства куда развитее моих. А вот ее дурында-мама прыгнула к нему в койку едва ли не после слова «привет».

– Если ты так сильно этого хочешь, мы можем успеть их покрасить. Думаю, твой папа вполне сможет подождать нас в машине минут сорок.

Говорю и понимаю, что такая идея мне очень нравится. Увы, Полина ее не разделяет.

– Тогда не надо, – буркает она. – Но я хочу на голову корону.

Спустя полтора часа мы спускаемся во двор, где нас ожидают поблескивающий начищенными боками седан и стоящий рядом с ним Роберт. Соседка, вышедшая из подъезда вслед за нами, чуть шею себе не сворачивает.

Вот что меня радует в нашей с ним ситуации (кроме появления Поли на свет, конечно), так это осознание того, что даже в девятнадцать у меня был неплохой вкус. Мозгов не было, а вот вкус был.

Красивый у Полинки отец. Смуглый, темноволосый. Будто и не в России родился, а где-нибудь в Испании или Уругвае. И выглядит он, словно не скучным бизнесом занимается, а целый день мяч по полю гоняет в поте лица. В тридцать три нет ни намека на живот.

– Привет, мой зайчик, – ослепительно улыбается он и, присев, прижимает к себе внезапно засмущавшуюся Полю. Обычно она за словом в карман не лезет, а тут застыла, как деревце, и ладошками вцепилась в подол.

– Поля, ты же вроде хотела папу увидеть? – весело подсказываю я, хотя и сама готова разодрать полы пиджака от волнения. И так всякий раз, когда он приезжает. Постоянно следишь, не скучает ли она по нему, не обижают ли дочку его редкие появления.

– Неужели совсем не хотела? – с деланной обидой подхватывает Роберт.

– Хотела, – наконец громко и твердо заявляет дочь, глядя ему в глаза. – Мама предлагала печь штрудель, но я выбрала тебя.

Напряженный ком, заполнивший грудь, лопается, выпуская наружу вздох облегчения. Нет, моя Поля не робкая лань, которая привыкла подолгу смущаться.

– Спасибо тебе за это большое, – благодарит Роберт и смотрит на меня поверх ее плеча. – Рада, привет.

Я дарю ему улыбку и правдоподобно делаю вид, что не замечаю его взгляда, ощупывающего мою фигуру. К искрящемуся блеску в глазах Роберта у меня давно выработался иммунитет.

– Ну что, едем? – включаю деловитый тон, чтобы наконец стряхнуть с себя его внимание. – А то через два с половиной часа Поле нужно будет ложиться спать.

Дочь смотрит на меня с негодованием: мол, что это было, мам? В ответ я округляю глаза в умоляющем «Ну прости». Знаю ведь, что она терпеть не может, когда к ней относятся как к маленькой. Что тут скажешь? Рядом с ее отцом у меня не сразу получается вести себя естественно.

– Так, стоп. Я же главное забыл.

Отвернувшись, Роберт достает из-за пассажирской двери букет, перевязанный атласной лентой – из тех, что держат в руках невесты, – и протягивает его Полине:

– Зайчик, это тебе.

Глаза дочки озаряются светом, какой предположительно можно увидеть во взгляде влюбленной женщины, получившей первые цветы от любимого. Хотя с полной уверенностью сказать не могу, ибо эта часть романтических отношений обошла мою двадцатипятилетнюю жизнь стороной.

– Спасибо, – улыбается Поля и даже умилительно носом лепестки клюет.

Я тоже улыбаюсь. Все же в умении делать приятное женщинам Роберту нет равных, как бы двусмысленно это ни звучало. Даже при всей моей ревности и предвзятости его поведение не получается критиковать.

– Красивый такой, да, крольчонок? – я глажу дочь по волосам, стараясь не задеть корону, и следом бросаю многозначительный взгляд на ее отца. *Она не зайчонок, а крольчонок, понятно? Кролики куда красивее и умильнее зайцев.*

Будто не заметив моего невербального внушения, Роберт снова лезет в машину, и в следующую секунду перед моим лицом маячит здоровенный букет белых роз. Я позволяю впихнуть его себе в руки и так же, как и Поля, машинально тыкаюсь в него носом. Вот умеет он... Что даже мой крепкий иммунитет на секунду пошатнулся.

– Возьми один и получи на второй пятьдесят процентов скидки? – шутливо уточняю я и не удерживаюсь от признательной улыбки: – Спасибо большое.

– Повышенный кешбэк при оплате Визой или Мастеркард, – скалится Роберт. – Хотел сразу вручить, но засмотрелся на твои ноги.

Я закатываю глаза. Все же не нужно быть к себе такой строгой. У той впечатлительной девятнадцатилетней студентки, бегающей между столами с подносом, не было против него ни единого шанса.

3

– Заказывай все что хочешь, зайчонок, – подсказывает Роберт, глядя на то, как Поля сосредоточенно водит пальчиком по картинкам в меню. – Когда принесут, выберешь, что понравится.

Я вообще-то против такой расточительности. Через пару дней щедрый папа-либерал вернется к себе в столицу, а я в образе скупого диктатора продолжу запихивать в бедного ребенка овсянку.

Но, чтобы не портить вечер, стоически отмалчиваюсь. Как же это несправедливо, что ты весь год из кожи вон лезешь, чтобы быть классной мамой: отвозишь и забираешь дочь из садика, не спишь ночами, когда она температурит, в рабочее время украдкой выбираешь для нее игрушки и неделями ешь ненавистные макароны с сосисками, потому что Полина только их и признает... А Роберт приезжает дважды в год и за один вечер становится в глазах дочери героем, просто разрешая ей все.

– Тогда у нас стола не хватит, – глубокомысленно заключает Поля. – Лучше ты нас завтра еще раз сюда приведи. А то мама не очень любит готовить.

Если с ее первой фразой на моем лице проступило самодовольство, то от последней захотелось резко сползти под стол. Дети умеют неосознанно попадать по болевым точкам. Полина очень маленькая и худенькая для своего возраста, и я часто думаю, что причина кроется в том, что я действительно не люблю готовить и, скорее всего, делаю это из рук вон плохо.

Роберт мечет в меня озорной взгляд.

– Приведу, конечно. И послезавтра тоже.

– И послезавтра? – оживляется дочка, кокетливо поправляя сползшую набок корону. – Ты что, к нам в город переезжаешь?

– Не совсем. Но решил задержаться подольше, чтобы провести время с тобой и мамой.

Я подношу ко рту стакан с соком, чтобы прикрыть беззвучное фырканье. Во-первых, потому что Роберт зачем-то пытается впечатлить не только дочь, но и меня, а во-вторых, потому что официантка, принесшая фруктовую нарезку, кажется, напрочь забыла о причине своего появления и влюбленными глазами следит за беседой отца и дочери. Вот парадокс, да? Мужчина с ребенком получает плюс сто к сексуальности, а все, что получает женщина, – это гарантию того, что на прогулке в парке ни один брутальный самец ее не потревожит, и бонусом нелестное определение «баба с прицепом». Так что там с равноправием?

– Тогда нам нужна интересная программа, – веско заявляет Полина и, подняв взгляд на официантку, тычет пальцем в середину меню. – Мне спагетти и сосиски. Только без кетчупа.

Девушка отмирает и наконец опускает на стол поднос. Слава богу. Не знаю, сколько бы еще я смогла терпеть этот щенячий восторг в ее глазах.

– И все? – осведомляется Роберт, обнимая плечо дочери своей здоровенной смуглой пятерней. Помню, это было первое, на что я обратила внимание. Его сильные длинные пальцы. Я всегда терпеть не могла маленькие мужские руки. Наверное, потому что не люблю чувствовать себя Белоснежкой при гномах.

– Все, – подтверждает она. – Пусть мама что-нибудь закажет. А то она из-за работы часто кушать не успевает.

Теперь приходит мой черед посмотреть на нее с укором. *И что это было? Решила поиграть в мамочку?*

Полина шаловливо оскаливается, и я только сейчас понимаю, что она делает это точь-в-точь как ее отец. *А ты зачем меня так рано спать укладывала? Теперь у нас один – один.*

– Маму, конечно, покормлю, – обещает Роберт и полностью переключает внимание на меня. – Давай я сам за тебя закажу, Рада? Доверишь мне выбор?

– Нет, не доверю, – со сладкой улыбкой отвечаю я. – К тому же вряд ли в семейном кафе подают шашлыки.

В пабе, в котором я работала, он всегда заказывал только мясо – видимо, сказывался восточный темперамент. Сложно было удержаться и не съязвить.

Переключив внимание на официантку, чтобы лишний раз не попасть под обаяние его ироничной улыбки, я называю заказ: салат, кофе и ризотто. Я и правда в последнее время не успеваю нормально поесть, так что пусть столичный благодетель и меня как следует покормит.

– Ну, так что, Рада? – немного понизив голос, Роберт наклоняется ко мне, будто бы давая возможность почувствовать твердость своего плеча и аромат туалетной воды. – Повторим встречу завтра в том же составе?

– А с чего ты взял, что у меня на завтра нет планов? Ни у одного тебя есть личная жизнь.

Сощуриив свои шоколадные глаза, Роберт изучает мое лицо. Я отвечаю ему прямым взглядом. Что? Думаешь, у нас в городе не нашлось ни одного смельчака, готового принять меня, как это принято говорить, с прищепом?

– В среду я остаюсь у бабушки, чтобы мама могла встретиться с Алексеем, – во всеуслышание объявляет Полина, прерывая нашу визуальную битву.

– Вот как? – многозначительно приподнимает брови ее отец, по-прежнему не сводя с меня взгляда.

– Вот так, – нараспев подтверждаю я. – О, смотрите, сосиски несут. Крольчонок, налетай.

4

Роберт

– Будешь? – Виталий, развалившийся за столом, демонстративно потряхивает стаканом с коричневатым напитком. – За долгожданную встречу, так сказать.

Я пожимаю ему руку и делаю знак официанту с просьбой подойти.

– Не, обойдусь кофе. За рулем.

– Сам же сказал, что надолго приехал, – компаньон разочарованно морщится. – Успеешь еще по делам помотаться. Бросай машину здесь, и пропустим по паре бокалов.

– В другой день как-нибудь устроим. У меня дела еще есть.

– Та-ак. И что это за дела?

Виталик порой напоминает ревнивую жену, которая вопьется зубами и будет грызть, пока не вытрясет из тебя весь распорядок дня. В остальном он нормальный мужик – шесть лет с ним сотрудничаю без нареканий.

– Дочку веду в кафе.

– А, Полинку? Ну как у нее дела? Видел их как-то с матерью в торговом центре. Хорошие девчонки.

– Хорошие, – соглашаюсь я, поймав себя на улыбке. Перед глазами живо встает картина, как дочка, громко и без умолку болтая, дергает Снежку за руку.

– Рада там еще замуж не вышла?

– Кольца не заметил. Но вроде встречается с кем-то.

Витя картинно вздыхает, чем вызывает во мне усмешку.

– А ты роль отчима собрался на себя примерить?

– Да нет уж, – небрежно отмахивается он. – Сам только от развода оклемался. А Раде сейчас сколько, кстати?

Я предпочитаю отпить кофе перед тем, как ответить. Нетерпимым или раздражительным себя назвать не могу, но своим повышенным интересом к Полине и Раде Витя откровенно меня подбешивает.

– Двадцать пять ей в мае исполнилось.

– О. А я думал немного постарше. Это она, получается, во сколько родила?

– Ты какой по счету бокал пьешь, Вить? – усмехаюсь я, больше не пытаюсь прятать растущее раздражение. – Что за внезапный интерес? Расскажи лучше, как дела обстоят с ближайшей поставкой, а то с июньской некрасиво получилось. Конкуренция в рыбном бизнесе большая. Начнешь подводить – от тебя быстро откажутся.

Наконец сообразив, что перебарщивает, Виталий начинает рассказывать об особенностях отлова хариуса и осетра. Правда, теперь уже у меня слушать получается плохо: голову как-то сами собой оккупировали воспоминания.

Я встретил Раду в баре, куда мы с парочкой знакомых наведались посмотреть футбольный матч. Шесть лет назад это было, я тогда только бизнес по поставке рыбы и морепродуктов налаживал. Приехал в Иркутск во второй раз, так сказать, закрепить деловые связи.

Раду я заметил из-за ее волос: они выглядели белыми, как снег, и, как я узнал позже, были абсолютно натуральными. И не ходила она между столами, а порхала. Стройная такая, хорошенькая со своими наливными щечками и очень смешливая. Люблю, когда девчонки улыбаются и ничего из себя не строят. Хочется и им в ответ поулыбаться.

Те ребята, кто со мной были, тоже ее заметили и недвусмысленно подшучивать начали, да еще плоско так, по-дебильному: не тесная ли у нее форма и не нужен ли ее маме зять. Я даже осадить их хотел, чтобы не смущали, но Снежинка и сама не промах оказалась. Сказала, что ее маме зять очень нужен, поинтересовалась, есть ли у пацанов собственная жилплощадь и будут

ли они возить будущую тещу на дачу, и добавила, что в случае утвердительного ответа, прямо завтра можно пойти в ЗАГС. У нее, мол, там тетка работает и все быстро и без проволочек оформит.

Я от души ржал. И все это она так по-доброму выдала, с улыбкой. Приятели мои сразу притихли. Один, правда, попытался брякнуть, что до свадьбы надо тест-драйв провести, но Рада заявила, что до свадьбы она ни-ни, и добавила, что и сама рискует, выбрав в мужа «кота в мешке». И так многозначительно на брюки Костяна посмотрела, что там уже и из-за соседних столов смешки раздаваться стали.

На следующий день я снова в этот бар притащился. Только уже один, без компании. Думал, футбол посмотрю, а в итоге полвечера пялился на нее и улыбался. Народу было немного, мы разболтались. Она о себе, я о себе. Студентка педагогического, второй курс, любит животных и ужастики, мечтает путешествовать. Смеялись, помню, много. С юмором все в порядке у Снежка. Короче, я конкретно поплыл, хотя на тот момент у меня уже Анька была. Правда, с ней я думал расставаться, потому что слишком много у нее ко мне претензий вылезло и слишком мало общих интересов оказалось. Этим, наверное, себя и оправдал.

Про «до свадьбы ни-ни» Рада преувеличила. Когда я предложил поехать ко мне, сразу согласилась. Я вообще-то не ходок и измену не считаю нормой, но те пара дней будто проходили в параллельной реальности. Может, сказалось то, что я находился далеко от дома, а может, потому что Снежинка-Снежок так сильно мне понравилась.

Я потом ей сказал, что живу в пяти тысячах километров и в ее городе бываю нечасто. Она покивала и даже шутку отпустила: «Уф, слава богу. А то я думала, что придется от твоих ухаживаний по всему Иркутску теперь прятаться». Я оставил ей свой телефон, а на следующий день вернулся в Москву.

Неделю о ней думал, даже позвонить порывался, но находил повод остановить себя. Для чего? Поболтать о погоде? Она там, я здесь.

А потом жизнь сама собой в рутину закатала: встречи, работа, созвоны. С Анькой так и не порвал. То ли совпадение, то ли пресловутая женская интуиция, но ее после моего возвращения будто подменили. Перестала по пустякам истерики закатывать и пытаться меня в вегана обратить, на курсы стилиста записалась.

Новость о своем отцовстве я узнал за неделю до рождения Полинки. Рада мне позвонила и без каких-либо эмоций сообщила, что на днях ей рожать. Сказала, что решение сохранить ребенка приняла осознанно и ничего от меня не ждет. Я тогда, мягко сказать, офигел. Первым рейсом вылетел к ней и в самолете на нервяке накатил. Хотел перевести ее в Москву рожать, чтобы не в каком-то бесплатном роддоме, но Радка и тут ни в какую. Идею переезда она вообще не рассматривала. Тут у нее мать, друзья, Байкал, квартира от бабушки осталась, а столицу она терпеть не может. А у меня в Москве были бизнес, друзья, Анька, мечтавшая выйти за меня замуж, и я не любил Иркутск.

Короче, решили мы все мирно и полюбовно. За неимением возможности жить в одном городе, я обеспечиваю Раду и дочь, и могу приезжать к ним в любое время. Рада пообещала присылать фотографии и в случае необходимости набирать меня первым. Я даже выдохнул немного. Я в двадцать восемь только-только стал понимать, чего хочу от жизни и куда нужно двигаться, а тут будто обухом по голове. Правда, когда мне в роддоме Полинку грудную на руки дали и она на меня пристально и по-взрослому посмотрела, хотелось бросить все к чертям и стать сибиряком.

5

Рада

Звонок Роберта застаёт меня в очередной гонке по пути к офису. Все-таки мне стоит наконец разобраться с синхронизацией телефона и магнитолы, а то руление одной рукой меня до добра не доведет.

– Доброе утро, Роберт Ренатович, – с шутливой подобострастностью произношу я. – Чем обязана столь раннему звонку?

– Здравствуй, Рада Игоревна, – отвечает он мне в тон. – В пробке стою и захотел твой голос услышать.

Закатив глаза, я машинально сбавляю скорость. Вот для чего все время быть таким обаятельным?

– Ты, так понимаю, на работу едешь, – продолжает Роберт, меняя тон на более серьезный, – поэтому надолго отвлекать не буду. Как насчет в кино сходить сегодня вечером? – И до того, как внутри успеваешь екнуть от этой фразы, поясняет: – Там мультик хороший про зверушек идет. Не ходили вы еще с Полей?

Мне очень хочется ответить, что мы конечно ходили. Из духа противоречия и для того, чтобы продемонстрировать, какая я классная мама, успевающая все, включая посещение детских кинопремьер. Но я, увы, не такая. Полина мне все уши прожужжала про этот мультик, а я каждый день ей обещала, что вот-вот сходим, но всегда находила повод перенести. Называется, дождалась. Теперь Роберт с легкостью наберет в глазах дочери дополнительные очки, просто сделав то, на что не сподобилась я.

– Сегодня я не могу.

– Плановая встреча с Алексеем? – шутивно раздается в трубке.

– Это не совсем твое дело, но да. Плановая встреча.

– Тогда, надеюсь, ты не будешь против, если мы с ней вдвоем сходим? Привезу потом, куда скажешь.

Я так резко ударяю по тормозам, что владелец «пежо», ехавший позади, наверняка выматерился и обозвал меня обезьяной с гранатой.

Я против. Против. Против! Не хочу, чтобы моя Поля ходила с ним в кино без меня. Назовите это ревностью, эгоизмом, нездоровым чувством собственности... Я. Не. Хочу.

– Почему бы не сходить в другой день? – с обманчивой непринужденностью предлагаю я, стараясь не выдать свой внутренний конфликт. – У тебя здесь друзья и вам наверняка есть чем заняться... Паб, стриптиз-клуб, баня.

– Приятно, что ты так печешься о моем досуге, Снежок, но я уже на мультик настроился. Не переживай, тебя я тоже обязательно в кино свожу.

– Какие у тебя далеко идущие планы, – бормочу я, стискивая руль. – Ты решил у нас задержаться?

– Я же сказал, что приехал на неопределенный срок. А что, уже утомил?

И я снова закатываю глаза. Каким-то образом Роберту каждый раз удается найти единственную дырочку в моей обороне и туда просочиться.

– Ты два вечера подряд избавлял меня от необходимости готовить, так что нет, – пока не утомил.

С досадой жмурюсь. В своей нелюбви к готовке можно было и не признаваться. Не знаю, что за мания у меня такая – выглядеть в его глазах лауреатом премии «Золотая мать года».

– Может, ну его, твоего Алексея, а, Снежок? – в голосе Роберта появляются озорные нотки. – Пойдем лучше в кино с нами. Возьмем сырный попкорн, вредную колу и мармеладных червей.

Я ловлю себя на том, что улыбаюсь. Мы и в кино ходили всего один раз в прошлом году, а он взял и запомнил. Что я люблю заедать сырный попкорн мармеладными червями.

– Нет, – твердо выговариваю я после паузы. – Можешь забрать с собой Полю, но не давай ей пить много колы. А если попросит попкорн, то не бери сладкий. Она в последний раз его переела, и потом у нее дерматит начался.

– Хорошо. А завезти потом куда? Полинка говорила, что по средам она остается у бабушки...

– Домой, – перебиваю я. – Вернешь ее ко мне.

Роберт обещает заехать за час до начала сеанса и прощается. Часы на приборной панели сигнализируют о том, что мой рабочий день начался еще пятнадцать минут назад, а я никак не могу заставить себя выйти. И то, что навстречу, махая руками, уже спешит охранник с явным намерением отчитать меня, что снова заняла два парковочных места, тоже не аргумент. Я обычно успеваю сбежать до того, как он очухается, а сейчас молча наблюдаю, как он, нависнув над лобовым стеклом, гневно раскрывает рот, и сражаюсь с покалыванием в носу. Хочется по-детски топтать ногами и визжать: «Полина моя, только моя! Никуда не отпущу». Останавливает лишь мысль о том, как она обрадуется тому, что наконец пойдет на долгожданный мультфильм, да еще и в компании Роберта. Наверняка захочет нарядиться и снова корону на голову попросит. А еще она попкорн очень любит. Почти как сосиски с макаронами.

– Сейчас переставлю, не кричите, – рывкаю я, толкая дверь. – Только сначала документы в офис занесу. Это срочно.

Машину я, конечно, никуда не переставляю – становится лень. Иногда мне кажется, что только моя огромная любовь к дочери не позволяет мне превратиться в отвратительного человека.

6

– Привет, – я по привычке касаюсь щеки Алексея губами и, забрав из его рук пакет с провизией, приглашающе киваю вглубь квартиры. – Проходи. Будешь кофе?

– Не откажусь, – басит он, следуя за мной.

Вот на что я первое обратила внимание в нем – это голос. Низкий такой, очень мужской. А уже потом приметила все остальное. Лешу можно охарактеризовать как самца группы альфа. В пользу этого говорит все: высокий рост, волевые черты лица, brutальные повадки и хорошие крупные ладони.

Я заприметила его, а он, в свою очередь, заприметил меня и, как истинный альфа, моментально начал осаду.

Осада осадой, но мои стены тоже не из папье-маше сделаны. Времена легкомысленных связей остались в прошлом, а если говорить точнее – до рождения Полины. Мы с Алексеем разок сходили в кино, на следующий день он пригласил меня в клуб, но я отказалась. Какой мне клуб с четырехлеткой, ждущей дома? Через день он позвал в ресторан, а я и тут не смогла – у Поли утренняя была, и нужно было печенье испечь. В общем, по пути из пункта А в пункт Б возникла явная проблема. Алексей хотел встречаться, как все нормальные люди – поромантичнее и почаще, а я не могла этого сделать из-за дочери.

Честно говоря, я бы на его месте давно плюнула на все и удрала куда подальше: с его-то данными проблем с поиском той, что «без прицепа», уж точно не будет. Но Алексей оказался упрямым и вот уже год ко мне раз в неделю приезжает. Среда – единственный день, в который я позволяю себе побыть не мамой Полины, а свободной и в меру развязной женщиной.

– Ты руки-то помыл? – со смехом уворачиваюсь от его объятий. – Иди, а я пока кофе нам сделаю.

– Там вино в пакете, – подсказывает Алексей, отступая и убирая руки в карманы. – Для настроения.

– Да, кстати. Тут такое дело: сегодня у тебя остаться не получится.

Алексей выглядит удивленным и разочарованным одновременно, поэтому мне приходится пояснить:

– Отец Полины в городе. Они сейчас в кино, и в девять он должен привезти ее обратно.

– Ясно, – кивает он через паузу. – Я так понимаю, что у нас всего пара часов? Чем займемся?

– Может быть, кино посмотрим? – со слабой улыбкой предлагаю я. – Сто лет перед телевизором не сидела.

Алексей соглашается, и после выпитого кофе и съеденных бутербродов мы перемещаемся на диван в гостиную. И пусть идея с фильмом принадлежит мне, удерживать внимание на экране едва ли получается. Я не могу не думать о том, что Алексей, сидящий рядом, просто терпит мелькающие кадры, тогда как на деле с большим удовольствием очутился бы где-то в другом месте. А еще представляю Полину, которая весело уминает попкорн к компании своего обаятельного папаши и влюбляется в него еще больше, потому что он нашел время отвести ее на желанный мультик, а я – нет. Вот я курица. Нужно было перенести встречу с Алексеем на завтра, а сегодня пойти в кино с ними. Тогда мысленного раздвоя значительно поубавилось бы.

– Извини, ладно? – бормочу я, когда мы с Алексеем стоим в прихожей. Он – в пиджаке и ботинках, я – в домашних штанах и футболке с надписью «У кого сиськи – тот и прав».

Это торжество быдло-юмора, подарок двоюродной сестры на день рождения, я надевала всего дважды: в первый раз, когда делала генеральную уборку, потому что надеялась безвозвратно испортить ее отбеливателем, и сегодня, когда во время просмотра кино пролила на себя кофе. Просто эта безвкусная тряпка стала первым, что попало на глаза.

– Все нормально, – сухо отзывается Алексей. – Созвонимся.

От вида его поджатых губ угрызения совести моментально как рукой снимает. Либо психани уже и выскажи все, что не устраивает, либо уж держи лицо как следует. А вот этот недвольный полуфабрикат не нужно мне на прощанье демонстрировать. Я, в конце концов, на шею никому не вешаюсь с просьбой меня не бросать. Сам же принял такие условия: детей всегда пропускать вперед.

Но чтобы не заканчивать вечер на паршивой ноте, решаю быть выше раздражения и, поднявшись на цыпочках, чмокаю Алексея в щеку.

– Не обижайся, ладно? На следующей неделе навестим.

Сдержанно кивнув, он берется за дверную ручку, но выйти не успевает. Потому что в дверь раздается звонок.

7

Я застываю как олениха, которую по коварному стечению обстоятельств ослепило светом фар при попытке перебежать дорогу. Время еще девяти нет. Чего Роберт с Полинкой так рано вернулись? Или это не они, а заплутавший курьер из доставки?

– Откроешь? – неживым голосом осведомляется Алексей.

На секунду у меня мелькает дурацкая мысль затолкать его в шкаф. Но не для того, чтобы спрятать, а чтобы глупых вопросов не задавал.

Отгеснив его в сторону, я щелкаю замком. На пороге, как и ожидалось, стоят Роберт и сияющая Полина в огромной до неприличия короне на голове. В одной руке у нее ведро с попкорном, в другой – плюшевый медведь с носом, по странности расположенным между глаз.

– Мам, смотри, что мне Роберт выиграл! – без прелюдии верещит она, впахивая его мне в руку. – Он все мячи в корзину попал, и потом какая-то тетя попросила у него автограф.

Я же говорю, что мужчина с дочкой – это как пресс Криса Хемсворта: не оставляет равнодушным никого.

– Классная футболка, Рада, – довольно скалитесь Роберт, красноречиво уставившись в прилично натянутую надпись. Помимо того, что Римма выбрала откровенно паршивый подарок, она еще и с размером промахнулась.

И до того, как я успеваю осадить его взглядом, запускает руку в карман и выдергивает оттуда здоровенную упаковку мармеладных червей.

– Мы принесли взятку. Пустишь?

– Только сначала меня не забудь выпустить, – эффектно подает голос Алексей, решивший, что пора перестать томиться за дверью.

Все, что мне остается – это широко и по-идиотски улыбаться тому, как брови Роберта дергаются в удивлении и как выразительно закатывает глаза Полина. Этой бесполезной привычке она у меня научилась.

– Роберт, это Алексей, моя друг, – с фальшивой бодростью в голосе тараторю я. – Алексей, это Роберт, отец моей дочери. Я тебе про него говорила, помнишь? С Полиной вы уже знакомы.

Ну, как уж знакомы? Виделись пару раз и то, скорее, по случайности. Не то чтобы я хотела его спрятать, но и знакомить с дочерью не горела желанием. Ей пока и одного гостевого папы хватает.

Роберт находится первым и вытягивает вперед руку. Алексей после короткой заминки ее пожимает. Я же, глядя на них, вдруг испытываю странное удовлетворение от того, что внешне ни один из них другу не уступает. И пусть мозгов за эти годы не сильно-то и прибыло, но хороший вкус по-прежнему остается со мной.

Секунды сменяют одна другую, а они никак не перестанут здороваться. Я обеспокоенно поглядываю на их сцепленные ладони. Да ладно? Вены друг другу пережать решили?

– Приятно познакомиться, Алексей, – с улыбкой говорит Роберт, наконец отступая назад. – А попроще как-то можно называть?

Я со вздохом закатываю глаза. Серьезно? Хочет поискать производные от имени «Алексей»? Леха и Леша. И тем, и другим Алексей вряд ли позволит себя называть.

– Алеша, – подсказывает Полина, плотоядно оскалив зубки.

– Точно. Какая ты сообразительная, зайчонок. – Ласково потрепав ее по плечу, Роберт стреляет смеющимся взглядом в меня. – И ведь не поспоришь.

– Предпочитаю полным именем, – сухо бросает Алексей и, развернувшись, гладит ладонью мою щеку. – Я пойду. Созвонимся, малыш.

– Созвонимся, – натянуто улыбаюсь я. Не люблю я эти детские прозвища, и он, кстати, об этом прекрасно знает.

Дверь за Алексеем захлопывается, оставляя меня наедине с тандемом заговорщиков. Вставив руки в бока, я сверлю Роберта взглядом, гневно транслируя: «Ну и что ты тут устроил»?

– Вернемся к взятке, – будто не заметив моего предупреждения, весело произносит он. – Чаем-то угостишь, или Алеша все выпил?

8

– Черного чая у меня нет. Остался только полезный.

– Полезное я люблю, – хмыкает Роберт, следуя за мной на кухню. – Правда, в меру.

– Вот и прекрасно, что в меру. Значит, надолго не засидишься.

– Какая ты гостеприимная, Снежок, – звучит подозрительно близко, отчего так и хочется ускорить шаг.

– Время моего безотказного гостеприимства осталось в далеком прошлом. Выяснилось, что от него потом месяца три может тошнить.

С последней фразой не могу не покоситься на Роберта с улыбкой. На самом деле, я бы ничего в своей жизни не хотела менять. Даже представлять не хочу себя без Полины. Хотя, вру, кое-что изменить я бы все же хотела: например, чтобы в сутках было часов этак двадцать семь-двадцать восемь вместо жалких двадцати четырех, и чтобы волосы за ночь так сильно не путались и утром не приходилось драть их расческой.

Роберт не смеется над моей шуткой, как делает обычно. Скупно улыбается, но смотрит серьезно. Я достаточно хорошо успела его узнать, чтобы выяснить: за обаянием и частыми остроумными скрывается далеко не мягкий характер.

Впервые я это поняла, когда Полине исполнился годик. Роберт позвонил за пару дней до ее дня рождения и сказал, что приедет, отчего я дико разозлилась. Казалось естественным, что он должен для начала поинтересоваться, может ли прилететь, и только потом брать билеты. О чем я ему, конечно же, сказала и неожиданно получила отпор. Нет, никакого конфликта не было. В своей обходительной манере Роберт напомнил, что мы все обсудили еще перед родами, и потому для встреч с дочерью разрешения спрашивать не будет, тем более когда речь идет о ее дне рождения.

Я, когда повесила трубку, от возмущения и бессилия чуть зеркало в туалете не расколотила. Да, мы договаривались, но это было до того, как я узнала, что такое – быть матерью. Хотелось проорать: Полина только моя, и ты должен спрашивать моего разрешения.

Правда, позже я все же смягчилась, когда Роберт неожиданно выбрал и оплатил кафе для празднования. Я хотела отметить дома и уже пригласила аниматоров, так что пришлось их туда перенести. Полинка такая довольная была. Ее красивый папа приехал, а еще она получила свою первую корону из лап Шрека.

К пяти годам у нее набралась целая коллекция. Я все гадаю, не значит ли это, что в будущем она планирует провести государственный переворот и установить абсолютную монархию?

– Юла она такая неугомонная, – Роберт кивает на стену, за которой с топотом носится Полина, готовя гостиную к своему будущему выступлению. Воспользовавшись наличием зрителей, она пообещала декламировать стихи. – И умная. Там в мультфильме из лисы злодейку сделать пытались, а она возмущаться начала: а чего это лисичка во всем виновата? Заяц сам дурак, потому что постоянно боится и жалуется. И звери дураки, потому что все его жалеют. Может, говорит, лиса специально его провоцирует, чтобы он смелее стал.

Внутри меня будто тысяча огоньков зажглись. Похвалы в адрес Полины мне куда дороже собственных.

– Понятия не имею, откуда в ней это берется. Ей будто не пять, а минимум пятнадцать.

– Ну как уж, – шутливо тянет Роберт. – Есть в кого.

Не знаю, себя или меня он имеет в виду, но на всякий случай закатываю глаза. Он посмеивается. Воздух на кухне становится вдруг слишком доверительным и уютным, поэтому я отворачиваюсь, чтобы продолжить делать чай.

– Я, кстати, думала, что вы раньше десяти не вернетесь.

– Да я уже понял. А то бы успела Алешу спрятать.

Я шумно выдыхаю, давая понять, что не в восторге от этой шутки.

– Он Алексей.

– Это Полина настояла, чтобы мы сюда сразу после кино поехали. Сказала, что по тебе соскучилась.

Я все-таки совершенно ненормальная, потому что от этих слов даже в носу начинает колоть. Даже находясь в кино с любимым папашей, готовым скупить ей все игрушки и весь попкорн мира, она выбирает меня.

– Вот твой чай, – я ставлю на стол кружку и требовательно вытягиваю руку. – А теперь давай-ка сюда червей.

Роберт выуживает из кармана брюк блестящую упаковку и, не двинувшись с места, протягивает ее мне. Ухмыляется: мол, подойди и возьми.

Фыркнув, я шагаю к нему и дергаю мармелад к себе. Делаю это не слишком ловко, потому что захватываю не только упаковку, но и заодно его палец.

– Так и сказала бы, что хочешь есть из моих рук, – не задерживается он с самодовольным комментарием. – Я-то только за.

– Чай пей, кормилец, – парирую я и намеренно отступаю подальше, чтобы не вспыхнуть от озорных огоньков, пляшущих в его глазах.

На счастье, на кухню в этот момент забегает Полина, сообщить, что в гостиной все готово к ее выступлению. Она успела переодеться, а вместо огромной короны на ее волосах красуется гораздо более скромная диадема. Домашняя, как мы ее называем.

– Пей скорее чай, а то у меня там микрофон разряжается, – поторапливает она, заметив кружку в руках отца. Аргумент, достойный аплодисментов, с учетом того, что микрофон – это моя старая массажная расческа.

Роберт послушно подносит чай ко рту, делает глоток и, сморщившись, ставит кружку на стол.

– Это что, польнь, заваренная с укропом? Пить невозможно.

Почти. Это желчегонный сбор, который терапевт выписывала Полине около года назад, когда она отказывалась от еды. Чай у меня кончился, и я, конечно, забыла его купить.

– Он был очень полезный, – давясь смехом, я забираю со стола чашку и выливаю ее содержимое в раковину. – Ну, раз уж не хочешь – пошли смотреть представление.

9

Роберт

Глядя, как Поинка, зажав расческу в руке, один за другим делает реверансы, я безостановочно ей хлопаю. Снежок так вообще засунула в рот пальцы и присвистывает в лучших футбольных традициях.

– Вот это ты у меня поэтесса! – верещит она, когда дочка подходит к ней за зрительскими объятиями. – С таким выражением читала, что у меня до сих пор мурашки.

И показывает свое предплечье, сплошь покрытое пупырышками. Кожа у Рады почти такая же светлая, как волосы, запястья аристократичные, тонкие.

– Я не поэтесса, потому что стихи не мои, а из книжки, – резонно замечает Полина и следом говорит уже для меня. – Я еще очень много разных знаю. Но сегодня все рассказывать не буду. Придешь в другой раз – тогда.

– Давай послезавтра? – предлагаю я, чувствуя на щеке пристальный взгляд Снежка. – Если, конечно, мама будет не против.

Теперь дочь смотрит с подозрением.

– А завтра ты чем будешь заниматься?

Я ловлю себя на том, что улыбаюсь. Бойкая такая. Спрашивать не боится и за словом в карман не лезет. Вся в Радку.

– Завтра я поздно освобожусь. Помнишь Виталия? Он тебя как-то с днем рождения поздравлял. Мы с ним в Улан-Удэ поедem помещения для складов осматривать. Это почти тысяча километров туда-обратно.

Я специально объясняю подробно, чтобы не думала, что я отмахиваюсь или имею дела поинтереснее, чем провести время с ней. Полька все на лету схватывает, так что пренебрежение или вранье почувствует сразу. Мне вообще нравится, как Рада ее воспитывает: относится как к взрослой, и всякую ерунду про папу-космонавта не выдумывает.

– У нас у девочки одной в садике бабушка из Улан-Удэ, – задумчиво выдает Полина. – Они к ней иногда ездят. Говорит, что это далеко.

Проверила и поверила, – думаю я. Не слишком-то и доверяет она мне на слово. Да и как ее винить? Я бы и сам не слишком доверял отцу, появляющемуся пару раз в год.

Сложно с ними все. Каждый раз, побыв несколько дней здесь, возвращаюсь домой с тяжелой душой. Первое время было легче: когда дочка малышкой совсем была – только спала, ползала и плакала. Я, как не склонный к лишним сантиментам, про себя все понимал: что от ответственности за последствия той ночи не откажусь, но и совесть на плаху не кину. В конце концов, меня ведь никто не спросил, хочу ли я становиться отцом. Это решение Рада приняла единолично. Но по мере взросления Поли я стал все сильнее прикипать к ней. То ли у меня возраст наконец «дошел», то ли к детям со временем проникаешься, то ли потому, что Поинка такая классная росла. Дети друзей никогда не вызывали во мне такого восторга, даже пацаны.

Побудешь с ними несколько дней, а потом весь путь домой в самолете себя изводишь, что дочь фактически без отца растет, и что деньгами и подарками будто откупаешься. И по прилету всегда обещаешь себе, что в ближайшее время выкроишь неделю и приедешь к ним. Но потом жизнь снова закручивает в рабочие жернова, проблема лезет на проблему, и ты наивно думаешь: вот еще немного, еще чуть-чуть – и поеду. И в итоге все остается как есть: ежемесячные переводы на карту и для успокоения совести оплата путевок на море.

– Поль, папе уже пора уходить, так что хватит засыпать его вопросами, – встревает Снежок, подтягивая дочку к себе.

Вот так мне в очередной раз тактично указывают на дверь.

– Да, зайчонок, я пойду, – я поднимаюсь и не удерживаюсь, чтобы не стрельнуть взглядом в футболку Рады. «У кого сиськи, тот и главный». Ну как тут не заулыбаться? С такими выпуклостями, как у нее, прямая дорога в президенты.

– Привезу вам с мамой браслеты и войлочные тапки из Бурятии.

– Не надо браслеты, – морщит носик Полинка. – Надо корону.

– Договорились. А маме-то привезти браслеты?

С ухмылкой смотрю на Раду. Нравится мне ее смущать. Может быть, делал бы это пореже, если бы знал, что на нее это не действует.

Года три назад была между нами одна ситуация: шанс еще раз попробовать, если можно так сказать. Полинка уснула, мы на кухне остались вдвоем. Радка в настроении была, болтала и шутила больше, чем обычно. И в один момент как будто звук выключили: она посмотрела на меня, я уставился на нее, и в воздухе заискрило то, что принято называть химией. У меня на тот момент никого не было, так что совесть осталась бы абсолютно чиста. Снежок первой остановилась, отшутилась, как и обычно, но посыл между строк я отлично понял. *Не пытайся, все равно ничего не выйдет.*

И с тех пор всерьез я больше не пытался. Правда, шутить, конечно, не прекратил.

Еще минут двадцать слоняюсь по улице, ища, где поставил машину. Полинка меня так заболтала, что парковался на автомате. Завтра выезжать в пять утра – надо поскорее добраться до отеля и лечь. И корону с браслетом и тапками купить не забыть, раз уж пообещал. Быть гостевым отцом и не сдерживать обещания – совсем непростительно.

Когда я наконец сажусь в салон, раздается звонок. Элька, бывшая жена. Наверное, опять с новой машиной не разберется.

– Роб, привет. Не отвлекаю? У меня тут с «ауди» снова что-то. Вроде в салоне ту функцию отключили, а она снова на светофорах глохнет.

Я объясняю ей, куда нажать, чтобы исправить проблему, после чего мы, обменявшись парой-тройкой фраз, прощаемся. Мы развелись в начале лета, прожив вместе два с половиной года. Последние полтора выдались настолько хреновыми, что я не был уверен, сможем ли мы когда-нибудь общаться. Оказывается, зря сомневался. Эля мне едва не через день с какой-нибудь фигней звонит, а я всегда отвечаю. Бзик у меня такой. За всех, кто когда-либо имел ко мне отношение, чувствую ответственность.

10

Рада

– Не-не, хлеб даже не доставай, Рад. Я уже вторую неделю на безглютеновой диете, – выпятив грудь, Вероника демонстративно оттягивает пояс на своих джинсах. – Уже, между прочим, два килограмма сбросила.

– Куда тебе еще? – отмахиваюсь я, продолжая раскладывать сыр на бутерброды. – И так стройная.

– Потому и стройная, что за питанием слежу. Все-таки не двадцать уже.

– А сколько? – фыркаю я. – Двадцать пять?

– Двадцать шесть, – скорбно поправляет меня Вероника и, взяв со стола пачку чая, начинает вслух зачитывать состав: – Мята, листья брусники... Кстати, хорошо очищает почки. Чабрец, зверобой... Ты, кстати, сама вон какая худая, Рад. Как за питанием следишь?

– Как слежу? – переспрашиваю я, заталкивая в рот здоровенный кусок сыра. – Дай-ка подумать. Как только вижу еду, сразу стараюсь запихать в себя как можно больше и быстрее, потому что черт его знает, когда в следующий раз появится такая возможность. Типичные мамские будни.

На лице Вероники проступает неподдельное сочувствие, будто я напомнила ей о наличии у себя неизлечимой болезни.

– Ну да, у тебя же Полинка. Понятия не имею, как ты вообще еще жить успеваешь.

Вероника – моя бывшая одноклассница, с которой мы дружим еще со школы. После рождения Польки мы на пару лет вынужденно потерялись, но потом снова нашлись. Ника из тех, кого принято называть женщинами категории вамп: густая шевелюра, сочные и, что важно, натуральные губы, соблазнительные формы. От мужчин, как я знаю, у Вероники отбоя нет, но замуж она не торопится, так как слишком ценит свободу.

– Слушай, а сейчас дочка у тебя где? – спохватывается она, оглядываясь по сторонам так, словно Полина все это время прячется в одном из шкафов. – В школе? Симпатичный браслет, кстати, – она кивает на мою руку. – Алексей тебе подарил?

Я непроизвольно накрываю запястье ладонью.

– Нет, это Роберт из Улан-Удэ сувенир привез. Забыла снять.

– Сувенир? – недоверчиво переспрашивает Ника, с новым интересом разглядывая мою руку. – На сувенир не похоже. Выглядит дорогого.

– У него опыта с женщинами не занимать. Видимо, выбирать научился.

– А он надолго в этот раз приехал, да? Сколько тут уже?

– Уже неделю, – буркаю и придвигаю к ней чашку с чаем. – Попробуй, достаточно крепкий?

Я и сама все чаще задаюсь вопросом, как долго здесь пробудет Роберт. Обычно он проводил в Иркутске максимум дней пять, а сейчас об отъезде даже речи не заводит. Это меня беспокоит. Вернее то, как такое тесное общение может повлиять на Полину. Она хоть и умная девочка, но в первую очередь ребенок. Вдруг за это время слишком сильно к нему привяжется, а когда он снова пропадет на ближайшие полгода, начнет тосковать.

В одной книге по воспитанию утверждают, что в таком возрасте девочкам особенно важно присутствие обоих родителей. Было там еще что-то про конкуренцию дочери и матери за внимание отца, но об этом я предпочла благополучно забыть, чтобы не портить себе нервы. Даже думать не хочу, что Полинка будет сражаться со мной за внимание Роберта.

– Вкусный, – подтверждает Вероника, изящно отхлебнув заваренный мной чай. Мне только позавидовать остается ее неторопливой грации. Сама я привыкла есть и пить на бегу, так что сожженный язык и обваренные губы – мои вечные спутники.

– А у него сейчас, кстати, есть кто-то?

Выбрав самый большой бутерброд, я тяну его ко рту. Чего Вероника к Роберту прицепилась? Ни за что не поверю, что у нее на любовном фронте образовалось затишье.

Раздавшийся звонок в дверь заставляет меня тяжело вздохнуть и выпустить добычу из рук. Ну и как тут не быть стройной? Кажется, все в этом мире против того, чтобы я нормально питалась.

– Вот сейчас сама у него и спросишь, – сообщаю я, поднимаясь. – Роберт Полину с прогулки привел.

Вероника, как опытная охотница, заметно оживляется. Трогает бретели бюстгалтера, поправляет волосы. Про Роберта она часто от меня слышала и видела его на фотографиях, но лично не встречалась до этого дня.

Открыв дверь, я застаю ставшую привычной картину. Сияющая Полина с короной на голове и с очередной дорожкой игрушкой и ее довольный отец, скалящий свои белые зубы.

– Мам, мы в дельфинарии были! – с ходу начинает докладывать дочка. – Дельфины такие веселые. Я даже погладила одного. Только кормить их не разрешили.

– Она пыталась украдкой подбросить в воду упаковку печенья, – усмехается Роберт, протягивая мне квадратную коробку. – А это тебе с жирнейшим намеком.

Я закатываю глаза. Чай с собой притащил. Я вообще-то уже купила.

– Привет, – певуче раздается позади. – Я Вероника.

Взгляд Роберта устремляется к дверям прихожей, и на лице следом вспыхивает приветственная улыбка. Слишком широкая, как по мне, но кто я такая, чтобы судить?

– Привет. Роберт.

– Здравствуйте, тетя Ника, – звонко говорит Поля.

– Привет, малыш, – Вероника не слишком вдохновенно треплет ее по волосам, продолжая с гораздо большим интересом вглядываться, как Роберт снимает с ног ботинки.

Мы с Полиной на нее не в обиде. Вероника никогда не пыталась скрывать, что не испытывает к детям особого трепета и от приглашений на Полинин день рождения честно отказывалась, признаваясь, что один вид аниматоров вводит ее в безграничную тоску. Но на подарках никогда не экономила, правда это были не игрушки и даже не сертификаты в Детский мир, а конверты с деньгами.

– Я, значит, по случайности попал к вам на девичник, – весело комментирует Роберт, идя следом за нами на кухню.

Мне хочется огрызнуться: а до этого ты на моей кухне с мужиками, что ли, сидел? Но, верная роли гостеприимной хозяйки, молчу. Как раз у Вероники будет время выведать у него все, что она там хотела знать.

11

Спустя минут пять мы всей дружной компанией сидим за столом. Полина, переодевшаяся в платье для утренника и надевшая корону, которую Роберт каким-то образом раздобыл в Улан-Удэ, расположилась между ним и Вероникой, а я – поближе к кухонному гарнитуру, чтобы сподручнее было играть роль услужливой хозяйки.

– Это что за чай? – спрашивает Роберт, с опаской разглядывая содержимое своей чашки.

– Очень полезный, – опережает меня Вероника. – Там очень много трав, которые тонизируют.

Он косится на меня с усмешкой.

– Это и пугает. Ты всех гостей держишь в тонусе, Рада?

– Да не желчегонный сбор это, – шутливо огрызаюсь я, откусывая, наконец, желанный бутерброд. – Кстати, угощайся. Если, конечно, ешь глютен.

– Угощусь, конечно. Глютен – мое все, – с этими словами Роберт тянется к тарелке, заставив непроизвольно проследить это движение. Ну вот чего у него такие красивые пальцы, а? Отвлекает.

– А я стараюсь не есть, – это снова Вероника. – Доказано, что клейковина провоцирует аллергию и кожные проблемы.

Роберт погружает кусок хлеба себе в рот и весело подмигивает.

– Да жить вообще вредно. Я привык есть все, что захочу.

– Да! Мы с Робертом большое ведро сладкого попкорна съели в кинотеатре, – встревает молчавшая до этого момента Полина. – И запили кока-колой.

– Крольчонок, не шокируй тетю, – ерничаю я, глядя, как Вероника морщит нос. – Ты, кстати, хотела нам свои подарки показать. Может, пойдешь и принесешь их?

– Не-а. Мне пока тут сидеть интересно.

Слышится ерзанье ножек стула по полу, мелодичное покашливание. Вероника пытается вернуть внимание интересующего ее объекта.

– А чем ты занимаешься? Рада говорила, но у меня из головы вылетело.

– Поставками морепродуктов, – коротко отвечает Роберт. – Здесь у меня партнер.

– Как интересно. И куда поставляешь?

Я с шумом отпиваю чай, моментально ошпаривая язык. Вот ведь. Даже когда не тороплюсь никуда, старые привычки по-прежнему со мной.

А Роберт, оказывается, поставяет местную рыбу в столичные кафе и рестораны. До того, как Вероника об этом спросила, я и не знала. Думала, может, в супермаркеты или на перепродажу.

– К нам надолго приехал? Вторая половина не заскучает?

– Нет, не заскучает, – смеивается Роберт. – Я в разводе.

– О, вот как? Не знаю, поздравлять тебя или сочувствовать.

– Лучше ни то и ни то. – Наклонившись, Роберт приобнимает Полину и заговорщицки шепчет: – А ты почему ничего не кушаешь?

– Потому что вас слушаю, – честно отвечает она. – А почему жена тебе других детей не родила?

– Полина! – шиплю я, покраснев от такой беспардонной прямолинейности. – Что за вопросы такие?

Роберт поднимает руку, призывая меня не нервничать.

– Нормально все, Снежок. Потому что у нее не получилось, зайчонок.

– То есть, ты хотел? – Полина теперь полностью развернулась к нему, взгляд требовательный.

Опустив под стол руку, я до боли щиплю себя за колено. Она ревнует. Да, в ее голоске отчетливо слышна ревность.

– Хотел. Чтобы родился кто-то такой же классный, как ты. Пока ты не появилась, я не знал, что быть отцом может быть так здорово.

Я с замиранием сердца слежу за реакцией дочери. Роберт хорошо ответил, но устроило ли ее? Она взрослая и маленькая одновременно, и невозможно запретить ей задавать такие вопросы, не унижая ее достоинство.

– А ты мальчика хотел или девочку? – переспрашивает Полина через паузу.

– Я об этом не думал. А ты бы сама кого хотела: братика или сестренку?

Дочь сосредоточенно сдвигает и раздвигает светлые брови и потом глубокомысленно заключает, что ей необходимо подумать.

Вот так разведка Вероники превратилась в одну из самых волнительных бесед из тех, что происходили на моих глазах. Ника и сама не рада. Выглядит так, будто ее окружили десяток аниматоров и предложили водить хоровод. А Роберт, должна признать, молодец: на все Полинкины неудобные вопросы сумел ответить так, чтобы не ранить ревнивое детское сердечко.

– Ты так и не сказал, – снова оживает Вероника, воспользовавшись тем, что диалог отца и дочери стих. – Надолго удержишься? И какая у тебя здесь развлекательная программа?

– Рада, ты торопишься от меня избавиться? – сверкнув зубами, острит Роберт. – Пока не знаю. Скорее всего, до конца месяца.

– До конца месяца?! – взвизгиваем мы с Полей. Она радостно и вслух, а я – истерично и мысленно.

Судя по хищным вспышкам в глазах, Нику такая новость обрадовала. Приосанившись, она со значением смотрит на Роберта поверх чашки.

– До конца месяца еще много времени. Можно столько всего успеть.

Кажется, на этой фразе до него наконец доходит, что Вероника не ведет диалог по моей указке, и он смотрит на нее с новым интересом.

Я переключаюсь на новый бутерброд, начиная тщательно его пережевывать. А что, ненадолго из них выйдет отличная пара. До конца месяца еще две с половиной недели, что равно средней продолжительности отношений Вероники с мужчинами. Главное, пусть в любовном угаре не ляпнет «сегодня можно без защиты», а то дело с большой вероятностью закончится сюрпризом. Я-то знаю.

– ...работаю в туристической компании, – расслабленно разносится над столом голос Ники. – Веду блог о путешествиях и много езжу по миру.

Ей даже напрягаться не нужно, чтобы выглядеть желанной музой в мужских глазах. У нее действительно есть популярный блог о лучших мировых курортах, снабженный ее красочными фотографиями в бикини, и она действительно много путешествует. Это не я, с которой можно встретиться лишь в строго оговоренный день и в заведомо оговоренное время с риском проснуться с кукольной ногой, впившейся в задницу.

– Для меня путевку подберешь? – моментально интересуется Роберт.

– Чай кто-нибудь еще будет? – уточняю я, с грохотом выдвигая стул. Вот недаром я не люблю гостей. В их присутствии нельзя так запросто встать и уйти в гостиную на диван. Надо сидеть рядом и непременно слушать все, о чем они говорят.

12

– В Пунто-Кана есть шикарные пляжи, – плавно и неумолимо льется Вероникина речь. – Арена Горда мой любимый, пожалуй. Песок белоснежный и мягкий, как шелк. Вот смотри...

Она тычет пальцем в экран своего телефона и разворачивает его к Роберту.

– В декабре туда летала. Загар, кстати, до сих пор держится.

– И куда смотреть? – в голосе Полининого папаши пробиваются озорные ноты. – Песка так сразу и не разглядишь.

Я закатываю глаза. Догадываюсь, что он там разглядел в первую очередь. Вероникины формы в бикини, которые она, разумеется, не преминула ему показать. Говорю же, ее блог о путешествиях – это даже круче, чем Тиндер. Демонстрирует товар лицом и с самых выгодных ракурсов.

Вероника мелодично смеется, а я в этот момент чувствую себя злобной завистливой мегерой. Потому что больше всего на свете хочу выставить ее за дверь. И Роберта за ней следом. Пусть любуются доминиканским песком подальше отсюда. Желательно в Афганистане.

– А у нас с мамой тоже фотографии с отдыха есть, – подает голос Полина, которая до этого была слишком занята тем, что уныло ковыряла ложкой картофельное пюре. – Как мы с горок катаемся в аквапарке.

– Полина, не смей! – выпаливаю я, подавившись чаем.

Фотографиями с отдыха я обычно щедро делюсь с Робертом, но на них никогда нет меня.

– Так мама тоже катается с горок? – озорно скалится Роберт. – С удовольствием на это посмотрю.

Воодушевленная такими словами, Полина соскальзывает со стула и, стуча пятками, уносится в свою комнату за фотоальбомом. Да, я по старинке распечатаваю снимки, чтобы в случае глобального компьютерного сбоя они не потерялись. Остается надежда, что она его не найдет. Эти снимки вообще никто не должен видеть, и уж тем более – ее папаша.

– Нашла! – радостно раздастся из глубин квартиры.

Я нервно отхлебываю чай. Как там говорят? Рука-лицо. После эффектных фотографий Ники, пьющей мохито на берегу курортного пляжа, кадры меня, катящейся с горки на пятой точке и орущей так, что можно без труда разглядеть гланды, будут как никогда кстати.

Роберт, кажется, наслаждается каждым мгновением. С серьезным видом забирает у Полины альбом, но я-то вижу каждого из чертей, пляшущих в его глазах.

– Эту фотографию я видел, зайчонок, – комментирует он открывшийся снимок, сделанный во время нашей с Полиной первой поездки в Турцию. На нем ей два с половиной года. – Красивая у тебя шляпа.

– Она мне сейчас маленькая уж, – деловито сообщает дочь и листает дальше. – Здесь мне мало лет, поэтому смотреть неинтересно. Надо там, где мы с мамой в Эмиратах на горках катались.

Вероника даже за глютенным бутербродом потянулась от скуки. Ее можно понять: мало кому интересны чужие фотки из какого-то аквапарка. Я же просто жду, когда Полина долистает до тех самых фотографий и это унижительное чаепитие наконец закончится.

– А вот и аквапарк, вижу, – склонив голову набок, Роберт разглядывает снимок, на котором остановилась Полина. Тот самый, судя по его расплывающейся улыбке. – Даже странно, что мама мне этого не присылала.

И стреляет глазами в меня.

– Очень эффектный снимок, Рада. Хоть ставь на рабочий стол.

Эффектнее некуда. Пробовали когда-нибудь прыгать на батуте, имея приличный размер груди, не слишком надежно упакованный в хлипкий бюстгальтер? А вас кто-нибудь в этот

момент фотографировал? Примерно так все и выглядит на этом снимке. Моя четверка, прилично вылезшая из купальника, пытается взлететь выше головы, отвлекая собой внимание от обгоревшего носа, раскрытого рта, прилипших к лицу волос и неприлично раздвинутых ног.

– Наверное, хватит на сегодня курортных снимков, – бормочу я и поднимаюсь, чтобы начать собирать посуду. Пусть гости сочтут меня негостеприимной и наконец покинут мою недружелюбную квартиру.

Вероника понимает все сразу же. Сосредоточенно смотрит на телефон, потом – на меня.

– Рад, спасибо за чаепитие и за знакомство. Мне пора. В офис по пути заеду, проверю, что там и как.

– Ага, – с пониманием бубню я, запихивая оставшиеся бутерброды в холодильник.

Роберт продолжает сидеть, перешептываясь о чем-то с Полинкой. Вот же... Прикрылся ребенком.

– Кстати, можешь подписаться на меня в инстаграм, – говорит Вероника, остановившись в дверях, – veronica_turism через «с».

Судя по тому, что я на ее аккаунт давно подписана, а у Полины нет соцсетей, обращается она к Роберту.

– Договорились, – ослепительно улыбается он и вытягивает вверх ладонь. – Приятно было познакомиться.

– А мне-то как, – незамедлительно звучит в ответ.

«А я так вообще на седьмом небе от удовольствия», – мысленно язвлю я, с остервенением запихивая чашки в посудомойку. – Kontakтами обменялись, чай мой весь выпили и даже глютенный хлеб, вызывающий кожные заболевания, почти доели. Всегда пожалуйста.

– Мам, Роберт пообещал посмотреть со мной один мультик, – тоненько пищит Поля. – Можно?

Она всегда выбирает этот тон, когда хочет получить свое.

– Смотрите, – буркаю я. – Мне все равно еще нужен ужин готовить.

Мультфильм заканчивается как раз в тот момент, когда я ставлю в духовку рагу. Задумавшись, целое ведро картошки в него настрогала, так что, похоже, будем питаться им всю неделю.

– Проводишь? – прильнув к кухонному косяку, Роберт смотрит, как я сбрасываю в ведро овощные очистки. – Полинка к себе рисовать убежала.

– Провожу, конечно, – огрызаюсь я, смахивая с лица налипшие волосы.

Настроение у меня поганое. Я не слишком заморочена на собственной внешности, но сейчас вдруг ощущаю себя потной, замученной жизнью неряхой. Наверное, сказывается недавний контраст с Никой и эти дурацкие фотки. И Роберт с его улыбкой отчего-то сейчас особенно сильно бесит.

Мы вместе выходим в коридор. Вставив руки в бока, я слежу, как он надевает обувь, и даже ногой от нервов пристукиваю. Сама не могу понять, что со мной такое.

– Телефон подружки своей дашь? – с улыбкой произносит Роберт, выпрямившись. – А то она не оставила.

У меня все тело каменеет, даже зубы. Ударь сейчас по мне чем-нибудь – раскрошусь на тысячи кусочков. Вот же... Даже слов подходящих не находится. То в жар бросает, то в холод. Понятия не имею, куда себя деть, и продолжать смотреть на него не могу... Все, вот теперь холода больше нет. Теперь щеки горят, и напалмом жжет позвоночник.

– Подпишись в инстаграме и спроси, – с трудом выговариваю я, сдавив предплечья. – Я тебе не бюро знакомств.

– Чего злая такая, Снежок? – долетает сквозь гневный бой в ушах.

Да я и сама не понимаю. Знаю только, что в эту самую минуту видеть его не хочу, и даже если Полина выскочит и станет умолять, чтобы Роберт еще немного у нас посидел, отвечу желе-

зобетонным отказом. Внутри бушует целый ураган из обиды и негодования. Устроил тут... При мне и при ребенке.

– Рад, выдыхай, – я дергаюсь, потому что пальцы Роберта касаются моих влажных от готовки волос и убирают их за ухо.

Вот тогда уже приходится на него посмотреть. Гневно. Кем он себя вообразил? Арабским шейхом в окружении пускающих слюни наложниц?

– Не интересна мне твоя подруга, – продолжает он уже без улыбки. Даже тон другой – серьезный, собранный. – Тигрицы на охоте – совсем не мой типаж. Хотел, чтобы она путевку посмотрела. Скатаемся куда-нибудь на выходные, пока я здесь.

И тут же скалится:

– Желательно туда, где есть аквапарк.

13

– Вот даже не думай, – я качаю головой, глядя, как Полина прижимает к себе с полдюжины корон, среди которых есть та гигантская, купленная Робертом. – Мы всего-то на три дня летим, а в чемодане уже нет места даже под мои сланцы.

– Мама, мне надо! – требовательно пищит дочь. – Хочу там наряжаться.

– В короне плавать будешь?

Говорю, и саму смех разбирает, как представлю Полю дрейфующей в бассейне с диадемой на голове.

– Да, – ничуть не смутившись, заявляет она, укладывая свою драгоценную ношу на гору розовых платьев.

– Вот уж нет, крольчонок. Главная среди нас пока я, так что я и решу, что пройдет контроль, а что нет.

Надувшись, Полина смотрит, как я выкладываю из чемодана половину ее одежды и оставляю только две короны. Куда она там наряжаться собралась, в самом деле? Неужели та книжка не соврала, и она впрямь задалась целью обаять Роберта?

– Тогда ты нарядные платья возьми, – буркает она, когда я встряхиваю из шкафа залежавшийся, не самый нарядный курортный сарафан. – Это некрасивое.

Ну и что, что некрасивое. Зато удобное. На ужине можно съесть сколько угодно, потому что его подол и без того походит на парашют, есть карманы, куда при необходимости можно положить Полинин мокрый купальник, и, что важно, оно совсем не просвечивает. Значимая деталь в поездке с таким, как ее отец.

– Ну хоть одно возьми. А то станет стыдно с тобой ходить. Я буду красивая, а ты нет.

– Ну спасибо, мисс Вселенная, – бормочу я себе под нос, вновь углубившись во внутренности шкафа.

Вот не хотела я этого всего. Суеты и специальных приготовлений. А то Роберт еще подумает, что я так сильно воодушевилась нашей первой совместной поездкой, что перелопатила ради него весь свой праздничный гардероб. Ничего выдающегося не случилось. Мы просто проведем три дня бок о бок ради дочери.

И какое же платье взять? То, которое оголяет ноги, или то, которое подчеркивает мою правоту? Попыхтев, закидываю в чемодан оба, сверху бросаю пару футболок и джинсовые шорты. Все. Крем для тела уже внутри, походная аптечка тоже. Несколько секунд разглядываю выглядывающие из прихожей каблучки и решительно застегиваю молнию. Нет уж. Каблучки – вещь опасная. Стоит их надеть, начинаешь по-другому себя ощущать. Словно в тебе просыпается часть Вероники.

– А во сколько мы улетаем? – в сотый раз переспрашивает Полина. – Мы не опоздаем?

– Предоставим решить этот вопрос твоему папе. Он пообещал нас забрать, а если опоздает – будет сам виноват. Пропадут его деньги.

Наступил тот самый момент, когда чувство юмора подводит дочку, и ее личико жалобно вытягивается. Я ругаю себя: вот же ты и коза, Рада. Она всю неделю ждала этого дня, и если что-то сорвется – это станет для нее катастрофой.

– Да шучу я, крольчонок, – я игриво толкаю Полинку в бок. – Твой папа очень ответственный, так что ни за что не опоздает.

Губы надула и отвернулась. Раньше так не делала. Господи, а дальше-то что будет? Чуть что не по нраву – из дома начнет уходить? И как я все это переживу, если сейчас так болезненно реагирую?

– Поль, ну хватит обижаться, а?

– А корону разрешишь еще одну положить?

Оскалила зубки, смотрит выжидающе. Конечно, разрешу, куда денусь? Мать у нее – самая настоящая тряпка.

– Только маленькую, – говорю с преувеличенной строгостью в попытке удержать лицо. – Большая здесь останется.

Но дочь, конечно, не проведешь. По озорному блеску в глазах сразу понятно: знает, что в очередной раз меня прогнула.

Но из жалости подыгрывает:

– Конечно, мамочка. Ты такая добрая.

И в щеку чмокает, коза мелкая.

Когда в дверь вдруг звонят, уносится в прихожую так, что ветер поднимается. И тут же разочарованно возвращается. Приехал Алексей, а не Роберт.

– Привет, – удивленно говорю я, пропуская его внутрь. – А ты чего это?..

– Рядом был, – отвечает он, по привычке касаясь моей щеки своей. – Решил книгу отдать, которую ты просила, и заодно пожелать вам хорошо отдохнуть.

Я забираю книгу – нашумевший детектив, который я все никак не могла заказать, – и завожу руки за спину. Было бы в душ сходить неплохо перед приездом Роберта, но внутренний голос велит пригласить Алексея внутрь и предложить кофе.

– Спасибо большое. Ты зайдешь?

– Нет. У меня еще дела есть. Так вы отдыхать вдвоем летите или отец Полины будет с вами?

Мне даже поморщиться хочется от того, насколько я не хочу отвечать на этот вопрос. Когда я Алексею про поездку сообщала, то сделала это так филигранно, что было непонятно: с нами Роберт едет или только путевку оплачивает.

– Роберт скоро за нами заедет, – невозмутимо пищит позади детский голосок. – И полетит тоже.

Я начинаю подозревать, что Полина недолюбливает Алексея. Подкараулила, дождалась нужного вопроса и ляпнула.

– Иди проверь, все ли мы с тобой упаковали, – распоряжаюсь я и, убедившись, что топот ног переместился в гостиную, виновато смотрю на Алексея.

– Да, он летит с нами, но жить будет в отдельном номере. Я не могу запретить ему проводить время с Полинкой. Он ведь скоро уедет.

Алексей поджимает губы и шумно выдыхает через нос, что не слишком-то и подходит к его строгому образу.

– Надеюсь, по возвращении мне не придется чувствовать себя дураком, а наши встречи для тебя действительно что-то значат.

– Они значат, – заверяю я. – Я буду слать тебе свои фотографии.

И чтобы он наконец расслабил губы, добавляю в лучшем стиле Вероники:

– В бикини.

На лице Алексея мелькает подобие улыбки, но радость моя оказывается преждевременной. Потому что в следующую секунду в дверь звонят, и я точно знаю, кого за ней увижу. Ну как тут глаза не закатить? Чистое издевательство, честное слово.

14

– Алеша-то не ревнует тебя? Он так ноздри напрягал, когда руку мне жал, что я за него заволновался.

Глядя на то, с какой довольной ухмылкой Роберт придерживает для меня дверь катафалка, встретившего нас в аэропорту, я жалею, что нечем в него кинуть.

– Он не ревнует, так как знает, что на то нет причины. Мы с тобой несовместимы, как масло и вода.

– Скорее уж, как масло и хлеб, – заговорщицки подмигивает Роберт, притягивая к себе выскочившую следом Полинку. – Иначе как ты объяснишь этот чудесный бутерброд?

Спорить с ним не представляется возможным из-за восторженных визгов дочки. Она всю дорогу к отелю вертелась ужом и сыпала вопросами: «А точно ли будут макароны с сосисками, и не придется ли мне голодать?», «А будешь ли ты отпускать меня одну на пляж с аниматорами?», «А будет ли Роберт приходить к нам в номер, чтобы посмотреть со мной мультики на ночь?». И конечно: «Есть ли тут магазины, где можно купить корону?».

– Мне уже жарко! – вынырнув из-под руки Роберта, она тянет меня к крыльцу гостиницы. – Давайте поскорее пойдем к бассейну! В таком красивом отеле наверняка должны быть коктейли с мороженым.

Я смотрю на нее с улыбкой. Довольная такая. Уже у входа определяет, на что может рассчитывать внутри. Я, к примеру, на море впервые съездила с родителями лет в тринадцать. В Адлер, где отель больше напоминал санаторий советских времен. И кормили там так же. А Полинка приехала на море уже в пятый раз, отчего я испытываю чувство глубокого удовлетворения и даже гордость. Ну и спасибо Роберту, конечно. Без него мы бы от силы съездили в трехзвездную Турцию пару раз.

– А ты разве кушать не хочешь? – с деланным удивлением спрашивает Роберт.

– Нет, не хочу! Кушать – это только время терять. Давайте сразу пойдем к бассейну!

Тут мне приходится включить мать-мегеру и сообщить, что пока мы не поедим, не будет ни короны, ни молочных коктейлей, ни надувного круга, ни аниматоров. Полина снова дуется и с надеждой косится на Роберта – не поможет ли? Я тоже кошусь, готовясь в любой момент выпустить когти, на случай если он вдруг захочет по-подлому сыграть в «хороший и плохой полицейский». Но он, к счастью, только руками разводит: мол, прости, зайчонок, но с этой женщиной спорить опасно. И он, кстати, абсолютно прав.

– Быстро покушаем и сразу пойдем, – бурчит Полина, натягивая хлопковое платье поверх купальника. Типичная женщина: в один день никто не сравнится с ней в мудрости и проницательности, а на следующий она ни с того ни с сего превращается в неговорчивую ПМСницу.

Но сейчас даже это меня ничуть не расстраивает – уж слишком впечатлена я нашим номером. Да тут балкон больше, чем вся наша квартира! А на кровати можно спать морской звездой без риска задеть соседа. В моем случае, неугомонную вертлявую соседку, которая то и дело норовит закинуть на меня ноги.

– Я готова, – Полина отворачивается от зеркала и тут же разочарованно морщит нос. – Ты что, в этом пойдешь?

Да, я пойду в этом – в своем «все включено» сарафане и панаме, защищающей мою бледную кожу от волдырей, которыми я непременно покроюсь, если в первые пять минут на солнце не намажусь кремом. И да, мне плевать, если в них я выгляжу как уродливая няня, сопровождающая на обед датскую принцессу.

– Может, все-таки снимешь корону? – с мольбой предлагаю я, заведев наше отражение в начищенных дверях лифта.

Полина мотает головой, говоря свое непоколебимое детское «нет». Ну, еще бы, быть принцессой куда приятнее, чем няней.

* * *

– Вон Роберт! – выкрикивает она на входе в ресторан. – Пойдем быстрее.

Он тоже замечает нас и машет рукой. Теперь я чувствую себя няней в компании принцессы и звезды мирового спорта. Наверняка так они и выглядят на отдыхе: белозубые, загорелые и непременно одетые в яркие поло, призванные подчеркнуть их мускулы.

– Ух, какая ты красивая, зайчонок! – по-доброму улыбается Роберт, глядя на Полинку.

Зардевшись, она демонстрирует ему все имеющиеся зубы и кокетливо хлопает ресницами. Ох. Чертова книжка была права.

– А мне комплимента, видимо, не достанется, – ворчу я, плюхая на свободный стул пляжный баул размером со здоровенную подушку.

– Достанется, конечно, – ухмыляется он в ответ. – Твой сарафан очень вместительный и практичный.

На это я незаметно демонстрирую ему средний палец. Конечно, с его-то смуглой кожей ему можно не бояться отправиться в местный госпиталь с ожогами.

– Я спросил, сосиски у них в меню есть, – Роберт доверительно наклоняется к дочке. – Макарон нет, но они предложили заменить их на картошку фри. Ты как, не против?

От такой проницательности у меня даже рот непроизвольно распахивается. Нашел-таки способ заработать себе быстрые баллы! Спросить у пятилетнего ребенка, не против ли он картошки фри?! Еще бы поинтересовался, не рассматривает ли она возможность завести дома пони.

– Да! Я буду картошку! – весело взвизгивает Поля. – И сырный соус!

– Только не рассчитывай, что будешь есть ее каждый день, – осекаю ее я, смиряясь с ролью плохого полицейского. – Ты ведь помнишь, что она вредная.

И взглядом приговождаю Роберта к стулу. Даже не пытайся пробиться в дамки, портя моей дочери пищеварение.

Наш первый курортный обед проходит на удивление хорошо. Пока Полина уминает картошку, щедро окуная ее в соус, Роберт рассказывает о возможных развлечениях. Мы можем поехать на королевское сафари, сходить в дельфинарий, навестить аквапарк, либо выйти в море на яхте.

Я пытаюсь стойко держать оборону, но с каждым произнесенным словом она разваливается, как многоэтажка из программы «Молодая семья», попавшая в эпицентр землетрясения. Сначала перед глазами вспыхивает картина залитого солнцем моря и белоснежной посуды, рассекающей его волны; следом появляются золотые песчаные барханы, через которые лихо перепрыгивает квадроцикл, и слышится счастливый Полинкин визг. Я вдруг ощущаю себя не мамой пятилетней девочки, а восторженной двадцатилеткой, готовой завопить: «Да к черту этот обед с папайей, я хочу яхту, сафари и дельфинарий!».

– У вас есть время подумать до вечера, – резюмирует Роберт и хитро мне подмигивает. – Хотя ты, кажется, уже на все согласна, Снежок. Глаза блестят, как у ребенка.

15

К бассейну мы идем гуськом: впереди с легкостью припрыгивает Полина, которой ничуть не мешают две порции картошки фри, находящиеся у нее в животе; следом, приложив телефон к уху, вышагивает Роберт, а звено замыкаю я, обвешанная няня в нелепом сарафане, которая то и дело таращится на его мускулистые икры.

– Вон бар! – громко выкрикивает Поля, едва мы приближаемся к шезлонгам, чем, конечно же, привлекает внимание каждого отдыхающего. – Там должны быть коктейли! Я хочу шоколадный!

– Сначала намажу тебя кремом, – предупреждаю я. – Раздевайся.

Раздраженно вздохнув, дочь задирает руки и со скорбным видом идет ко мне: мол, ладно, снимай.

– В такую капризулю превратилась, – укоризненно говорю я, дергая вверх подол ее кружевного платья. – Ты так весь отдых себя вести планируешь?

Взгляд машинально сползает в ту сторону, где намечилось движение, и невольно там замирает. Роберт снял с себя футболку и остался стоять в одних плавательных шортах.

– Мам! – раздается недовольный писк под моими руками. – Я ничего не вижу.

Опомнившись, я быстро избавляю голову дочки от пут наряда. Щеки покалывает, а в голове голосом Вероники томно звучит: «О-хо-хо! Охохонюшки. Поздравляю, Рада Дмитриевна. Вкус у вас действительно отменный».

Чтобы не отвлекаться от нанесения на ее плечи солнцезащитного крема, приходится и вовсе отвернуться, но картинка крепкого пресса намертво прилипла к глазам, как засохшая гречка к тарелке. Да что ж такое происходит? Семь лет назад Роберт был очень даже ничего, но вот этих четко вылепленных мышц у него не было. Какая волшебная цифра, оказывается, эти тридцать три.

Напоследок мазнув кремом Польшин нос, я подталкиваю ее вперед.

– Все, беги терроризировать бармена. И для мамули коктейль попросить не забудь.

Поправив корону, дочь издает победный крик и уносится к бару.

– А тебя кремом намазать, Снежок? – весело звучит сзади. – Или ты в одежде будешь сидеть?

Надо ответить, но я не хочу поворачиваться. Потому что, если повернусь, то взгляд обязательно соскользнет куда-то пониже его лица, и Роберт, конечно же, это заметит. А в мои планы не входит повышать его и без того не низкую самооценку.

– Нет, спасибо, – вежливо, но сухо отвечаю я. – Самой мне сподручнее мазаться.

Пуговица за пуговицей расстегиваю сарафан и незаметно одергиваю зажеванные плавки. По меркам соседки слева, по ошибке напялившей бикини, снятый с Барби, мой купальник очень даже скромный: плотный верх и не слишком оголяющий задницу низ.

Вскинув подбородок, выпрямляюсь и наконец заставляю себя обернуться. Пресса у меня, допустим, нет, но и что ж теперь? Не у всех есть время торчать в спортзале. Кому-то надо еще и дочь растить.

– А ты сам-то кремом будешь...

Мазаться, – мысленно договариваю я, натолкнувшись на ошарашенный взгляд Роберта, который шарит по моему телу подобно лазерной указке.

– Ослеп от такой красоты? – натянуто шучу я, ощущая, как по коже табуном скачут мурашки. Сарафана нет на мне меньше минуты, а я уже начинаю по нему тосковать.

– Типа того, – отвечает он и даже шутить не пытается. Ни веселости в голосе, ни улыбки.

Да господи боже! Перестань уже на меня так таращиться! Не знаю, куда себя деть.

А вслух говорю:

– Надеюсь, теперь ты не станешь караулить меня под дверью номера.

Вот тогда на смуглом лице Полининого папаши вспыхивает озорной оскал.

– Не могу этого обещать. Десять баллов из пяти, Снежок.

«Плейбой недобитый», – беззвучно бормочу я и отворачиваюсь, чтобы спрятать выскальзывающую на лицо улыбку. Приятно, чего уж тут. Я видела пару фотографий его бывшей жены в инстаграм и была уверена, что с такой, как она, мне не сравниться.

– А отвернулась, чтобы я и сзади мог оценить?

– Посмотри лучше, где там Полина, – ворчу я и начинаю энергично растирать себя кремом в попытке избавить курортный воздух от того, что только что в нем повисло. – Глазом моргнуть не успеешь, как она оседлает какого-нибудь аниматора и заставит его катать себя на плечах.

16

– Я попозже еще один попробую, – деловито сообщает Полина, с шумом всасывая молочный коктейль. – Там у них много разных есть. Даже вишневый. Твой мне не очень понравился, мам. Слишком сладкий.

Я по обыкновению ей люблюсь. Такая она... необыкновенная. Корона съехала набок, щеки покраснелись от солнца, а кошка на купальнике сплошь покрыта молочными подтеками. Она окончательно освоилась в компании Роберта и весело постукивает пяткой по его ноге, сама этого не замечая.

Когда взгляд начинает неумолимо тянуть вверх, к краям его шорт, я возвращаю внимание к книге. Той самой, раздобытой Алексеем. Моим милым заботливым Алексеем, которому я, кстати, обещала прислать снимки в бикини.

Поправив солнцезащитные очки, я навожу на себя камеру и жму «сфотографировать». Обещания надо выполнять. Проверяю результат и, поморщившись, удаляю. Как они все это делают? Я имею в виду всех пользователей инстаграма и их сногшибательные селфи. Откуда взялись эти наливные щеки, пятно на лбу и кольца столетнего дуба на шее?

Вздыхнув, пробую снова. На этот раз решаю сместить акцент на то, что Роберт оценил как десять из пяти. Ну, что ж. Вышло лучше, чем предыдущее, но на десятку, на мой взгляд, не тянет. Ну и ладно. Это не повод забивать галерею однотипными фотографиями.

«Шлю, как и обещала», – быстро печатаю я и прикрепляю к сообщению снимок.

– Если хочешь, могу тебя сфотографировать, – предлагает Роберт как раз в тот момент, когда я нажимаю «отправить».

Одна мысль о том, как я старательно позирую перед ним возле бассейна и отправляю эти снимки Алексею, вызывает у меня истеричный смех. Ситуация со стороны, конечно, странная. Мужчины в моей жизни появляются, будто по расписанию: один на выходные, второй по средам.

– Спасибо, но на сегодня я закончила с фотосессией. – Отлепив от шезлонга изрядно вспотевший зад, я встаю. – Пойду немного поплаваю. Полин, пойдешь со мной?

Стерев пятно коктейля с подбородка, она мотает головой. *Не-а. Мне и с Робертом хорошо.*

Предательница.

Не боялась бы я выглядеть душой – с разгону бы плюхнулась в бассейн. Не потому, что люблю, когда вода заливается в нос и купальник впивается в задницу, а потому что не хочу ощущать, как взгляд Роберта оценивающе шарит по моему телу, задерживаясь на плавках. Тут и без того печет.

Вода оказывается на удивление комфортной, с учетом моей привычки мерзнуть, и даже хлоркой совсем не пахнет. Начинаю подозревать, что в подборе тура для Роберта Вероника старалась куда лучше.

Перевернувшись на спину, я раскидываю руки и ноги и максимально расслабляюсь, имитирую подохшую морскую звезду. Я в раю, не иначе. Внутри кило клубники, никуда не нужно торопиться, за меня готовит здоровенный усатый мужик, Полинка счастлива, и завтра нас ждет прогулка на яхте. Именно ее мы выбрали путем женского голосования.

Но, как и всегда, стоит только вознестись на пик наслаждения, кто-то или что-то обязательно попытается тебя с него спустить. В данном случае это ощущение врезавшегося в меня тела.

Чертыхнувшись, я с трудом возвращаю себе равновесие и возмущенно смотрю в загорелое лицо парня года на три меня старше. Желание костерить разрушителя удовольствия моментально стихает. Уж очень виноватым и симпатичным он выглядит.

– Прости, я тебя не заметил. Ты как? Не ушиблась?

Вообще, плечо прилично ноет, но жаловаться в компании таких длинных и загнутых ресниц даже неудобно как-то.

– Все в порядке, – успокаиваю я и улыбаюсь в подтверждение. – Бывает.

В ответ парень тоже улыбается, чем зарабатывает себе окончательное прощение. Красивые улыбки – это еще одна моя слабость после здоровенных мужских кистей. Не зря же Полиному папаше мои десять из пяти с такой легкостью обломились.

– Можно угостить тебя чем-нибудь в извинение? – продолжает парень. – Например, свежавыжатый сок?

Интересно, он по жизни такой милый или подкатить ко мне пытается? Вечно теряюсь в догадках в схожих ситуациях.

– Спасибо, ничего не нужно.

– Я Максим, – не сдается он, продолжая улыбаться.

– Рада, – с запинкой отвечаю я и тут же вздрагиваю от громогласного и знакомого «Мама-а-а!», с легкостью заглушившего музыку.

Обернувшись, я со вздохом закатываю глаза. Полина машет мне обеими руками, как если бы оставался шанс, что я могла ее не заметить. То же самое, да еще и с улыбкой во весь рот делает ее отец.

– Так ты с семьей здесь, – с заметным разочарованием комментирует увиденное Максим. – Извини. Просто у тебя кольца нет, вот я и решил...

Ну, по крайней мере, теперь я знаю, что он не просто милый, а действительно пытался меня склеить.

Машинально проследив движение его руки, убирающей со лба волосы, я без сожаления подтверждаю:

– Ага, с семьей. Первый день приехали.

Ну надо же – такой красивый, а пальцы – самые настоящие обрубки.

– Ладно, Максим, я пойду. Меня зовут.

Подтянувшись на руках, я выбираю из бассейна и иду к шезлонгам, с которых на меня смотрит команда подлых заговорщиков.

– Как поплавала? – скалится Роберт. – Вода теплая?

– Вода просто прекрасная, – ласково пропеваю я. – Полин, может, сходите с папой в дальний бар? Хочу свежавыжатый сок.

– Да! – Полина с азартом вскакивает с шезлонга и дергает Роберта за руку. – Пойдем! Я хочу мандариновый.

Усмехнувшись, он встает, заставляя меня машинально отвести взгляд от темной дорожки волос, пересекающей его пресс.

– И какой тебе?

– Арбузно-брусничный, – со сладкой улыбкой воркую я. – С добавлением кокоса, пожалуйста.

Роберт раскатисто смеется, после чего они с Полиной, взявшись за руки, идут к дальнему бару, месту концентрации самых эффектных постоялиц отеля, приехавших на отдых без пары. Хочет изображать семью – пусть изображает.

17

Просыпаюсь я от настойчивого мамканья. С трудом разлепив глаза, натываюсь на нависшее надо мной лицо дочери.

– Маа-ам, вставай! Скоро надо ехать на яхту.

Поморгав, чтобы привыкнуть к свету, смотрю на прикроватные часы. Шесть утра. И какого, спрашивается? Мое нахождение в раю не предполагало ранних подъемов.

– А ты чего, собралась уже? – сонно бормочу я, садясь на кровати. – Сначала зубы надо почистить, а уже потом корону надевать.

– Я почистила, – снисходительно сообщает дочь и предупреждает мой следующий вопрос: – И волосы тоже расчесала.

Присмотревшись, я вижу: не врет. И даже косу попыталась заплести, правда получилось наподобие потрепанной змейки.

– Крольчонок, времени еще навалом, – я успокаивающе глажу ее по плечу. – Твой папа сказал, что выезд в половине девятого. Может, еще полежим чуть-чуть, а?

Но Полина остается непреклонной. Недовольно сводит брови и, прыгнув на пол, стягивает с меня одеяло.

– Ну, вставай! Ты еще в ванной час провозишься, потом завтракать нас заставишь... Машина же может уехать.

Вот сейчас обидно было. Да я ни разу в ванной час не торчала, просто потому что не могу себе позволить такую роскошь. В последнее время все чаще чувствую себя борзой, которая носится, как оголтелая, хватая зубами летающие тарелки.

Но взволнованное лицо дочки действует на меня безотказно. Я со вздохом поднимаюсь и закрываюсь в ванной, где меня ждет дилемма: мыть воронье гнездо, разместившееся у меня на макушке, или и так сойдет?

Здравый смысл и лень склоняют меня ко второму варианту, но потом перед глазами возникает Роберт в своем ярком поло, и я машинально выдавливаю на руку шампунь. Грязная голова определенно будет лишней. Достаточно того, что я хожу на отдыхе в сарафане, в котором можно незаметно выносить тройняшек. Не хочу, чтобы окружающие смотрели на нас и думали: «Какой красивый папа у этой девочки и такая никакущая мама. Наверняка женились по залету».

А вот и мимо, товарищи. Залет, конечно, был, но мы не поженились.

Скептически оценив в зеркале ярко-розовую спину, которую не спасли даже тень и SPF 50, я выхожу из ванной.

– Мам, Роберт зашел за нами на завтрак! – с ходу сообщает Полина, заставляя меня машинально схватиться за махровый узел на груди.

Вот же... Так и до проблем с сердцем недолго. И ведь точно, пришел. Прямо на моей кровати сидит.

– Рановато я? – Роберт указывает взглядом на мою голову, а потом на босые ноги, не слишком надежно прикрытые отельным полотенцем.

Все-таки хорошо, что я помыла волосы, не став поддерживать имидж неряхи-няни. Потому что для семи часов утра выглядит отец Полины поистине фантастично. От нескольких часов, проведенных под солнцем, его кожа красиво золотится, тогда как мое тело, судя по зуду, пытается отторгнуть загар, как некачественный имплант.

А вот еще одна неважная новость – пока Роберт меня разглядывает, на моей голове по-прежнему намотан уродливый здоровенный тюрбан.

– Рановато, – безжалостно подтверждаю я и шагаю к туалетному столику, чтобы начать демонстративно мазаться кремом. – Мы быстрее соберемся, если ты будешь ждать снаружи, а не внутри.

Поймав взгляд Роберта в отражении, передаю ему немое послание. *Ну не думал же ты, что я при тебе стриптиз устрою?*

На его лице вспыхивает озорная улыбка, и глаза намеренно спускаются ниже моей поясицы. *А жаль. Я бы не отказался.*

– Ладно, не буду мешать. Для завтрака у нас есть час. – Он поднимается с кровати и смотрит на Полину: – Пойдешь со мной в ресторан, зайчонок? Ты, смотри, уже готова.

– Пойду, – с достоинством отвечает она и выразительно смотрит на меня. *Вот если бы ты встала пораньше, то могла бы пойти с нами.*

Когда дверь за ними захлопывается, я скидываю с головы полотенце и начинаю с остервенением запихивать в сумку бутылки с водой. Чувствую себя незадачливой подружкой, которую королева школы заменила на кого-то более веселого и популярного. Даже слезы на глаза наворачиваются. Ну, дожили, а? А ведь взрослая тетя, бывалая мать.

Неужели ты всерьез ревнуешь Полинку к Роберту? – веду я мысленный отрезвляющий диалог. – Не стоит. Отпуск через два дня закончится, он вернется домой, и она снова будет только твоей. Будешь ходить с ней на все мультипликационные премьеры и разрешишь пить кока-колу в неограниченных количествах.

Замерев, я с укоризной смотрю на себя в зеркало. Серьезно? Так боишься, что Поля полюбит Роберта сильнее тебя, что готова посадить ей желудок? Страшная ты женщина.

Спустя минут двадцать я спускаюсь в ресторан и, остановившись на входе, ищу глазами бирюзовое поло. Когда нахожу, неожиданно для себя скриплю зубами. Ну надо же, а? Нет, ну надо же!

Рядом со столом нашей временной семьи возвышается грудастая блондинка, которую я вчера по ошибке приняла за участницу вечерней шоу-программы с танцами. Просто давно не видела такой концентрации всего самого привлекательного: пышных губ и волос, шоколадного загара, длинных ног с упругими икрами и обтягивающего комбинезона, выгодно все это подчеркивающего.

Ах, ну и конечно в комплекте идут белейшие зубы, которые она так охотно демонстрирует смотрящему на нее Роберту. Идея отправить его за соком в компании дочери, как выясняется, себя не оправдала. Блондинке явно плевать, один Роберт сюда приехал, либо с дюжиной жен и детей, которым до конца своих дней обязан выплачивать алименты.

– Маа-ам!

Вместе с криком Полины, взгляды всех присутствующих, включая Роберта и его собеседницу, устремляются в мою сторону. Я прячу улыбку. Приятно, что Полинино мамканье работает в обе стороны.

– Ты долго! – заявляет дочка, едва я подхожу к ним. – Мы уже со скуки помирать начали.

Я нарочно не смотрю, какой эффект произвел этот камешек на ту, что стоит рядом, и тяну к себе стул.

– Давай я за тобой поухаживаю, – предлагает Роберт и, заботливо сняв с моего плеча баул, помогает сесть. – Я тебе свежавыжатый сок заказал и кофе.

Мне приходится сжать зубы, чтобы не расплыться в широченной улыбке. Вот умеет он... Злиться невозможно.

Ободренная такими ухаживаниями, я позволяю себе быть милосердной. Поднимаю глаза на блондинку и с самой доброжелательной улыбкой представляюсь:

– Я Рада. А вы?

– Эстель, – натянуто улыбнувшись, отвечает она. – Ваша девочка?

Эстель? Может, не так уж я и ошиблась насчет участницы шоу-программы.

– Да, это наша дочь, – подтверждаю я, впервые на своей памяти используя это местоимение, говоря о Полине.

– Ясно.

Сделав улыбку еще натянутее, она поворачивается к Роберту.

– Хорошего вам дня.

– Такая неприятная, – не задерживается с комментарием Полина, не удосужившись дожждаться, пока обладательница звучного имени достаточно удалится от нашего стола. – Пристала как банный лист.

Я пытаюсь придать лицу осуждающее выражение, что оказывается непросто с учетом полного согласия с такой репликой, и окончательно проваливаюсь, когда слышу оглушительный смех напротив. Роберту фраза Полины тоже пришлась по вкусу.

18

Белоснежная яхта со стеклянной кабиной и просторной носовой частью оказывается целиком в нашем распоряжении, что становится приятным сюрпризом. На одной из экскурсий в Греции мне довелось прокатиться на похожей штуковине в компании семейной пары с ребенком, и, как итог, к концу дня я возненавидела всех людей, живущих на планете. Восемилетний мальчик орал и капризничал похуже любого грудничка, отчего у меня моментально заложило уши, мать и отец, увы, тоже не отставали. Я даже подумала, что они приобрели эту экскурсию ради свежего контента для склок. Он из рук вон плохо сфотографировал, не так разговаривал, не так сидел, а она, растяпа, не взяла бутерброды, зная, что он вскоре проголодается, и похоже специально плохо намазала ему спину. А еще: «Смотри, какое пузо отрастил, да лучше бы на себя посмотрела». Если бы Полина была в этот момент со мной, а не осталась в номере со своей бабушкой (то есть моей мамой), она бы точно разразилась изобличительной гневной тирадой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.